

ДОРОГИ И ПЕРЕКРЕСТКИ

СКИФИЯ

Анна Кшишевска Иванова
 Черный Водолей
 Ирина Егорычева
 Павел Грызлов
 Павел Черкашин
 Зоя Святогорова-Лижке
 Кристина Пичугина
 Ника Кольт
 Екатерина Семенова
 Сергей Еременко
 Марина Храмова

Михаил Садовский
 Константин Еремеев
 Даша Николаенко
 Дмитрий Ванин
 Антонина Литвинова
 Анастасия Стрельцова
 Алина Судиславлева
 Марина Мельникова
 Рита Волкова
 Елена Парамонова
 Игорь Филатов
 Сергей Шилкин
 Ольга Денисова

Антология
Дороги и перекрестки
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 10

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28068789

Дороги и перекрестки: антология: ИТД «Скифия»; СПб.; 2017

ISBN 978-5-00025-118-8

Аннотация

Все дальние дороги, расстояния и перекрестки, неизвестные земли и заповедные острова – лишь отражение тех, что в нас.

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Издательство приглашает авторов к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: skifiabook@mail.ru.

Подробности условий конкурса можно прочитать на издательском сайте: www.skifiabook.ru.

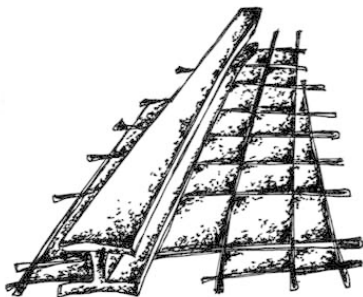
Содержание

Расстояния памяти	5
Михаил Садовский	5
Константин Еремеев	21
Даша Николаенко	46
Дмитрий Ванин	76
Антонина Литвинова	97
Анастасия Стрельцова	126
Конец ознакомительного фрагмента.	144

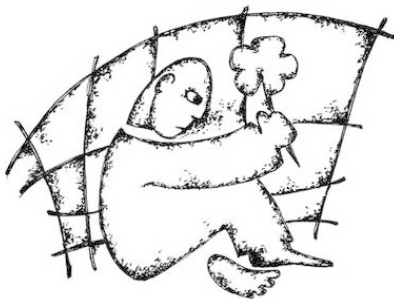
Нари Ади-Карана Дороги и перекрестки: АНТОЛОГИЯ

© Оформление, составление. ИТД «Скифия», 2017

* * *

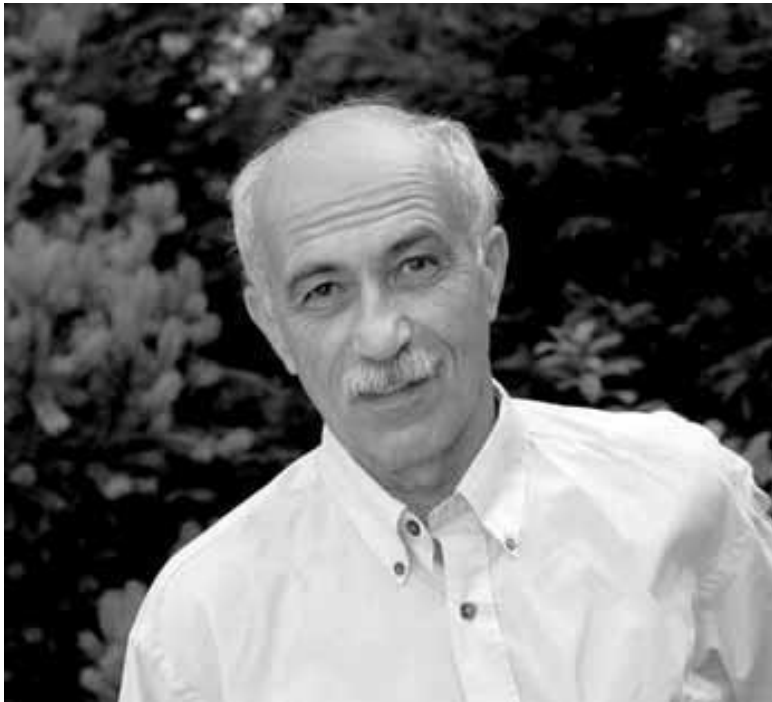

Расстояния памяти

Михаил Садовский

г. Москва

Автор романов, повестей, рассказов, стихов и публицистики, книг для детей, пьес, радиоспектаклей, сборников хоров и песен, либретто мюзиклов и опер. Член СП и СТД России.

Из интервью с автором:

Начинал печататься в 60-е как автор стихов и прозы для

детей. В советское время произведения для взрослого читателя лежали в столе — не мог преодолеть цензурных и идеологических барьеров. Сейчас многое из опубликованного попало в интернет, в электронные библиотеки, на различные сайты — процесс этот, как оказалось, совершенно не зависит от автора.

© Садовский М., 2017

Заяц

Воздух был наполнен серебряной морозной пылью, слетавшей с веток от сотрясающего грохота дальней канонады. И вдруг на ровное пространство, простреливаемое с двух сторон противниками, выскочил заяц. Нелепый и трогательный, он замер и стал нервно оглядываться, примеряясь, в какую сторону безопаснее бежать. Откуда он взялся и как уцелел — невозможно было понять.

Стрельба из окопов мгновенно прекратилась, значит, его заметили. Заяц стоял, обалдев и совсем оглохнув от тишины. Трудно оценить, сколько она длилась, эта тишина. Потом с двух сторон над брустверами стали появляться макушки касок, раздался свист, крики. Заяц робко скакнул в одну сторону, снова замер. Скакнул под углом и опять остановился. В бинокль можно было рассмотреть его обалдевший глаз, обвислые вздергивающиеся уши и смешной толстый зад с буд-

то приклеенным хвостиком. Воистину это была совершенно неожиданная, контрастная пауза в непрекращающемся уже почти четыре месяца затяжном кровопролитном противостоянии.

Этот чудом оживший персонаж детских сказок вдруг появился и как бы напомнил им, что есть мирная жизнь, она совсем рядом и может вернуться или закончиться навсегда в любую минуту, что там, в этой жизни, существуют затрепаные книжки, которые читают дети, есть их смех, тишина, вечерние сумерки и слова «спокойной ночи, спи, милый, завтра дочитаем»...

Никто не стрелял. Сердце стучало, и мысль пульсировала: «Молчит, сука фриц. Неужели пальнет? Неужели убьют?» Этот живой комочек настолько не вписывался в военную бытность, так ясно беззащитен был и, как оказалось, необходим им, что никто не решился даже просто пальнуть в воздух, чтобы спугнуть и тем спасти его. А в окопе напротив, у немцев, тоже наверняка крутилась в головах мысль: «Неужели комиссары убьют своего?».

Было все так, будто этот маленький комочек жизни, уставший от войны, решил прекратить ее – просто не замечать – и все!

Неожиданная и длинная получилась пауза. На фронте все неожиданно: и смерть, и спасение. Заяц вдруг рванул в одну сторону, резко остановился, сиганул под прямым углом, потом еще и еще раз огромными прыжками он выписал на

девственном снегу поляны полукруг, замкнул его концы диаметром, пересек быстрыми мелкими шажками, снова на миг замер и припустил во всю прыть к ближним кустам, оставляя после себя на снегу странный четырехпалый характерный след...

Еще несколько минут было совершенно тихо. Наверное, с обеих сторон осатаневшие от войны люди обсуждали этого безумного храбреца, а потом начали палить без разбора в смеркающееся, наполненное снежной пылью и кажущимися нерезкими серыми тенями пространство. Все палили без толку, чтобы разрядить досаду и снять напряжение...

Сейчас ему казалось, что он тот самый заяц, мечущийся между своими и чужими на поле под Вязьмой в сорок первом. Тогда было совершенно ясно: вот рядом в окопе Ваня Бурмистров, потом новенький в роте лейтенант Никочухин, рядом с ним старшина Понькин, а за ним Набиуллин – и дальше, дальше грязные шинели, усталые лица... Свои... «А кто мне сейчас свои и кто чужие?» – эта мысль трассирующей строчкой пробежала в голове... Воспоминания, пробудившиеся, казалось бы, безо всякой связи с его нынешней жизнью, потянулись неуправляемым потоком... Когда нас с Иваном засыпало, все чудилось, что этот заяц топчет и топчет по нам сверху... То ли затапывает, то ли откапывает или, может, санитарам знак подает. И то – вот только что тут были и раз – нету, будто взлетели в небо с комьями вывороченной земли, а там ангелы подхватили обоих и прями-

ком в рай... Ну, еще всякие глупости лезли в голову: обидно очень стало, что полбуханка хлеба за пазухой так и осталась нетронутой – съесть не успели, а теперь ни дохнуть, ни охнуть, придавил ее грудью. Иван все требовал молиться... пока не затих, а мне не дотянуться было до него, чтобы потормошить, чтоб не сдавался... самому воздуха не хватало...

Он судорожно глотнул раскрытым ртом, как хотелось тогда...

– Вы что? – донеслось до него. – У вас дело ко мне? Что молчите? Эй, гражданин, вам плохо? Садитесь! – от приказа он будто очнулся, мотнул головой, стащил кепку и шагнул к стулу.

– Извините...

– По какому делу? – она упруго налегла на ребро стола, и грудь вздыбила халат до подбородка...

– Я насчет работы, – произнес он наконец.

– Работы? – удивилась она. – Какой работы? – он включился от ее сиплого командирского голоса. – Какая у меня работа?!

– Любой... – процедил он медленно.

Видимо, его интонация, просящая и решительная, тронула ее.

Она откинулась назад к спинке стула...

– Любой? Грузчиком, что ли? – произнесла она иронически, оглядывая его внушительную, уже полнеющую от возраста фигуру...

– Грузчиком, – согласился он...

– Ну да! Ну да! Хм... грузчиком... Чтой-то не похоже по вас... – она не спускала с него глаз... – А докú мент у вас какой, где раньше-то работали?..

Он молча протянул ей паспорт и трудовую книжку. Она внимательно пролиставала страницы, прочла место прописки, положила документ на стол, стала внимательно листать трудовую книжку, еще не закончив и не поднимая глаз, спросила:

– Что, все четыре года на фронте?

– Да. От и до... добровольцем ушел.

Она перевернула страницу и даже крикнула...

– Научный сотрудник! Какая ж у меня научная работа тут?!

У меня булочная... – и осеклась, взглянув на него...

– Любая... – он пригладил волосы от макушки вперед ладонями, скользнул ими по лицу и попытался улыбнуться, но ничего не получилось. – Мне работа нужна. Срочно. На любую согласен.

Она опять навалилась на стол и тихо, по-женски ласково спросила:

– Только честно, за что уволили?..

Он молчал... Они смотрели долго в глаза друг другу, выражение их лиц менялось, и взгляды будто проникали один в другой. После нескольких минут такого молчаливого разговора ничего уже не надо было объяснять...

– Поняла. Только... если я тебя возьму, нас потом обоих заметут следом... сами знаете... с высшим... Да и остальное у вас в анкете тоже... – она вздохнула. – Ну, может, дворником?... Там не так проверяют.

– Шутите! – возразил он, – уж как там проверяют! И на вокзале был, в сцепщики хотел... и электромонтером, – вдруг прорвало его, – и в сапожную мастерскую ходил... Я умею... – он чувствовал, что ему надо поделиться, и почему-то легко было ей рассказывать. – Я все могу... и починить, и посчитать. Баллистику преподавал...

– Слушай! – встрепенулась она, – а в бухгалтерии разберешься?... – и вдруг сникла, такие дела райком не пропустит... – Хлеба могу дать... Если плохо будет, приходи... Четыре года – и живой... Да все я понимаю, – она покосилась на телефон... – А мой на заводе умер. Бронь у него была, а не выдержал... сердце... В момент, как от пули: раз, и все...

Улица всегда успокаивала его. Не может быть, чтобы все кончилось так вот бездарно и глупо... в таком огромном городе не нашлось бы хоть какой работы одному зайцу... «Хм, какому «одному»! Сколько, небось, вот так же мотается по всем улицам и ищет зацепки, чтоб не выслали... Уехать? Ну, месяц-то кончается... Вышлют, но в никуда... В другом месте так же ходят люди и ищут места приткнуться... Вышлют из жизни, а не из города, в никуда, как отброс, как мусор, как врага... Мало им и тридцать седьмого, и сорок седьмого... А ведь в сорок первом все мы были «братья и сестры»... Луч-

ше было остаться там, на опушке за полем, на котором метался заяц, чем дожить до такого дня, когда стал не нужен стране, которую защищал»...

Вечер уже спустился, огни фонарей и вывесок равнодушно и спокойно раскрашивали улицу, а он чувствовал страшное внутренне еле сдерживаемое напряжение и не хотел идти домой, чтобы не видеть страдающих глаз с немым вопросом... Какой-то мужчина прошел совсем близко мимо, сделал несколько шагов и медленно обернулся. Под полями шляпы плохо было видно его лицо, но глаза смотрели прямо на него... Наверное, тоже ищет себе место в жизни или ищет кого-то...

«Нет, я не заяц под прицелом на расстрельном мертвом поле, – подумал он. – Я человек, солдат. У меня награды. И я чист, как ангел перед выходом на работу. Кого это волнует, Боже! Какие люди сгнули там, когда мы погибали в окопах... Пусть мне скажут, за что или какая в этом необходимость... Я готов, только пусть скажут...» Он огляделся вокруг, потому что почувствовал вдруг, что выпал из времени, затаил выдох, будто перед снайперским выстрелом, и быстрым твердым шагом направился вниз по Тверской. Таким шагом, каким не ходят на марше, а только перед строем или на параде... До Камергерского улица шла под горку и сама будто торопила и подгоняла его, боясь, что решимости его хватит ненадолго, – так и случилось. Когда он свернул в переулок и проходил мимо театра, трусливая мыслишка: «Что

я делаю?» – проскочила внутри и сбила ритм движения, но он, будто перескакивая через лужу, удлинил свой шаг и двинулся быстрее, чтобы слабость не успела одолеть его до подхода к цели... Кузнецкий мост, Пушечная... и громада все- сильного монстра на Лубянке возвысилась перед ним, как неодолимая преграда. Так строили соборы, в которых входящий чувствовал себя ничтожной крохой пред все- сильным Всевышним. Дверь поддалась удивительно легко, несмотря на размеры, и неожиданно он успокоился и почувствовал, что внутри осталось только любопытство – ни волнения, ни страха, только сосредоточенное напряжение и любопытство. И почему-то еще в потоке мыслей промелькнул анекдот про грибы. Вопрос новичка, в грибной охоте нашедшего бледную поганку: «А эти можно есть?» И ответ приятеля: «Можно, только один раз!»

Время оказалось неприятным, и дежурный офицер вежливо посоветовал ему повторить визит в урочные часы таким тоном, будто посетитель хотел войти в магазин, когда дверь только-только закрыли, а за ней еще мелькали успевшие до означенного часа покупатели...

Теперь он стоял на площади спиной к страшному дому и не мог ступить ни шага. Ноги не слушались. Испарина покрыла лицо и тело. Он закинул голову назад и увидел недосягаемо высоко над собой козырек фриза, преграждающий взгляд в небо. Все закружилось вдруг. Он упал спиной на могучую стену, которая даже не почувствовала его прикос-

новения. Холод мертвого камня сразу отрезвил его. Стоило огромного усилия оторваться от нее и сделать первый шаг, преодолеть себя, как перед атакой, а потом!.. Он почти бежал! Вниз мимо любимого музея своего детства, мимо темно-серых мрачных стен ЦК партии к набережной и дальше по ней... Вода свинцово сверкала, речной трамвайчик линовал ее белой бурунной полосой... Трубы МОГЭС на другом берегу выпускали волны тепла, сквозь которые изгибались и волновались купола церкви... Жизнь шла мимо такая будничная и простая, что сдавило горло, и он понял, что теперь больше ничего не боится. Он не знал почему, но чувствовал это, как в сорок первом, после того как их с

Ваней Бурмистровым откопал незнакомый солдат, зацепившийся за штык его винтовки, торчащий из земли. Он решил достать ее, потому что у него не было никакого оружия, а надо же было чем-то бить фрица. Солдат тогда выковырял пальцем глину у него изо рта, плеснул из фляжки в его глотку живительной русской воды и, когда он прокашлялся и задышал жадно и глубоко, сказал просто и уверенно: «Теперь жить будешь, ага, а винтовку, браток, я те не отдам! Вам обоим в медсанбат надо теперь – после контузии отлежаться, а потом уж видно будет... Может, и подвезут оружие... А че те мое фамилие? Помолиться хочашь? Дык пустое... забудяшь, небось... И прально, за всех разом лучша молица...»

На Спасской часы пробили четверть. За мостом пахло свежим хлебом. У церкви Всех Скорбящих толпились сог-

бенные черные старухи.

Я знаю, ты рядом

Я знаю: ты рядом – слышу твой запах, походку, дыхание... Не вижу, но точно знаю... Может быть, за тем углом, – я спешу туда, но... твои шаги опять впереди. Занавеска колыхается, и мне чудится шлеп, шлеп босых ног по паркету, мягкий, как кошачий прыжок, звук брошенного полотенца, вихрь откинутого одеяла... Тикают часы с частотой твоего пульса, глаза твои надвигаются – ближе, ближе... Я тону в них и ухожу в завремение. Там нет движения, и следствие может вполне опередить причину или существовать без нее...

Мне не было резона отречься от себя, но это произошло, и лишь много позже стало ясно, что ты была рядом. В этом защищенном пространстве не снашиваются чувства, не тускнеют события и не составляет труда достичь любой даты не только своей жизни.

Ты рядом... Слава Богу, не сливаешься со мной и не становишься неосязаемой, невидимой и несуществующей. Это было бы так обидно...

Я иду с тобой по лесу и могу поделиться радостью от найденного гриба и спеть тебе во весь голос, не стесняясь запутавшегося в стволах эха, могу просто пододвинуться и поцеловать в это сладкое место щеки возле самого уха в тот момент, когда ты наклонишься к корзинке, чтобы поближе

рассмотреть мою находку... Твои пальцы вытянутся и переберут клавиши в воздухе, и по их движению я поймаю мелодию, отчего станет легко и весело, и мы, не сговариваясь запоем: та-ри-ра-ра-ри-ра, туру-ру-ру-ру-ру, тари-ра, та-ри-ра, та-ри, ра-ра-ра... А я наклонюсь, сорву крошечную розетку звездчатки и преподнесу тебе картинно, сделав прежде движение, как шляпой испанский гранд Веласкеса... И ты в тон и в такт преподнесешь мне счастливый миг своим ответом: «Ах, какой чудесный подснежник!» – и подчеркнешь это слово, тогда мы оба засмеемся, и закружимся, обнявшись, и упадем в траву, зацепившись за корни...

Я тогда тоже лежал в траве и смотрел на звезды, и никого не было в этой бесконечности, кто бы взял на прощанье мою руку или перетянул ее жгутом, чтобы я не истек кровью... Я же не знал, что ты через кусты и бурелом уже свернула в мою сторону с дороги, не понимая зачем, я же не знал, что ты – это ты, но тебя это вовсе не смутило... Ты же тоже не знала, кто я... Но сколько себя ты вложила в мое восстановление, и днями и ночами...

И что, разве твои дети похожи на меня? Нет. У них другой отец. Они обо мне ничего не знают... И, может быть, ты тоже... Ты наверняка спасала и спасла кого-то, но это перешло ко мне, перекатилось через огромное поле жизни, перепаханное злой страстью и ненасытной наживой... Наткнулось на меня, подняло, наполнило и вернуло с полдороги туда, ибо я услышал, что нужен здесь, тебе...

А потом не ты ли тихонько потянула меня назад за край рубахи, когда я стоял над пропастью, и шепнула мне без упрека и надменности: «Есть пропасти поглубже и пострашнее...» А мне казалось... Но ты опять спасла меня и не взяла ни взгляда, ни слова... Ты это сделала для себя – я помню... И потому осталась со мной. Навсегда.

Это так трудно рассказать... Только в серых сумерках у какой-то ограды, за которой мутно вырисовывается тень разбитой колокольни, вдруг между необходимыми глубокими вдохами сырого ветра почувствуешь твое присутствие и неуверенно шагнешь, вглядываясь в проходящих мимо людей: эта? Эта? Эта?..

Я молюсь, не умея молиться. Но разве для этого нужны слова? Разговор с Ним не требует никаких атрибутов, мы общаемся неслышно и открыто, и я ничего не прошу у Всесильного и, может быть, если это необходимо, тем спасаю тебя?!

Какая неуловимая химера. Ну, вовсе не в расставании, не в расстоянии или памяти... Ты слышишь и понимаешь меня – иначе бы не была рядом. Слышу твой запах, походку, дыхание... Заговори меня, отмени бесконечность времени – тебе это по силам. Тогда мои дети научатся этому. Обязательно.

Ты поднимаешь меня ночами, я спросонья бессознательно нахожу карандаш у изголовья и веду пальцем левой руки по бумаге, обозначая строчку, а острие грифеля прижимаю к нему правой и вывожу буквы. Чем ты наполняешь эти каракули? Я смотрю на них утром с недоумением и оглядываюсь

– ты рядом... Я слышу твой запах... твою походку... твоё дыхание...

Ты уходишь? Я не ревную. Ты уходишь и остаешься, ты неустанно и неназойливо рядом...

Повтори мне все грубые тихие слова – этой песни нет слаще и страшнее, оттого что она непременно кончается... Я это знаю и ничего сильнее не боюсь на свете. И не могу не бояться, никак, никакими силами...

Потом ты брызгаешь мне в лицо светом, оставляешь обесиленного, но... не можешь уйти! Удаляются шаги, и затихает дыхание, но запах не уходит: это запах жизни.

Когда-то сложили эту Песнь песней, и звучит она в сердце еще до рождения, а когда ангел в первый миг хлопает младенца по губам и он забывает слова, ты приходишь, чтобы сказать их... один раз. Один раз и навсегда.

Я путаю имена, произнося их, а ты подсказываешь и веришь.

Им нельзя не верить...

Помнишь, на распутье, когда размочалилась судьба и негодная сила тащила куда-то, ты сказала одно слово, и я знал, что нет другой дороги...

Склонись над постелью моих детей. Пройди у меня в изголовье. Я не смогу разувериться и уйти в никуда, пока ты рядом... Ни решить задачи, ни написать строку... Мне не нужна помощь – только чтобы была ты! Рядом. Так устроен мой мир, в котором все, что ни происходит, – рождение, по-

ка ты рядом... Чтобы слышать твой запах, твои шаги, твое дыхание...

Однажды рано-рано я шел с пешней по талому снегу заливного луга и вдалеке услышал твой голос. Ты не звала на помощь, ты кричала свое «прощай» равнодушному миру... И я, не раздумывая, бросился в ледяную воду спасти тебя. Мы цеплялись за льдины, а они поднимались вертикально и падали на нас. Мы выныривали из-под них и снова боролись впустую... И вдруг ты прижалась ко мне и стала тащить к перекату, а там мы оперлись о камни и еле живые, застывшие, обдирая ладони и грудь, ползли поперек потока к берегу...

И вдруг я понял... Ты вернула свою пропащую жизнь, чтобы спасти меня, и тоже ни секунды не сомневалась – что дороже, чем менять свое решение, – ты же не знала, что я, чужак, не умею плавать!..

С тех пор навсегда, что бы ни случилось, ты рядом... И жизнь может оборваться в любой момент, когда я не услышу рядом твоего запаха, шагов и дыхания...

Константин Еремеев

США, г. Монтерей

Родился в Саратове. Окончил Московское (кадетское) военно-музыкальное училище и Московскую консерваторию. С 2000 года живет в Калифорнии. Преподает русский язык. Пишет стихи, переводит на русский англоязычных поэтов и документальную прозу. Публиковался в первом издании альманаха «Литературная Америка» (2015). Участник финалов всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» 2014, 2015 и 2016 годов в Льеже (Бельгия).

Из интервью с автором:

Музыка, оставшись в сердце, вылилась в поэзию как следствие недостатка родной культуры и языка в другом мире – дефицита духовного кислорода.

© Еремеев К., 2017

Стихи

Стихи разбросаны по улицам
и мокнут в парке под дождем.
Они смеются или хмурятся,
подчас заигрывая с нами.

Но мы, измученные прозою,
свой крест куда-то все несем.

А этот мир, для счастья созданный,
нам снится призрачными снами.

«К Проводникам...»

Нет, милый Шуберт —
Франц наивный,
Не так все будет на земле.
Сгорят дома, поля и нивы,
И будет музыка в золе...

Нет, гордый Людвиг ван Бетховен,
Не ода «К радости» твоя
объединит, а матч «Эйндховен» —

«Бавария» – Das Stimmt, Ja, Ja.

О, Дюрер, нет —
Мой светлый Альбрехт,
Гравюры тонкие твои
Оставлены в высоких альпах
Ушедших нравов и любви.

И снова нет, дражайший Гете —
Мыслитель, музы ловелас,
Не вам владеть сознанием масс.
Когда искусство на излете,

Но счастье в том, что вы живете
Хотя бы в нескольких из нас.

Выйдешь случайно в чужую весну

Выйдешь случайно в чужую весну, —
в чью-то священную мглу.
В небе фонарик далекий блеснул,
искрой скользнув по стеклу.

Лунной испариной ляжет роса —
слез полуночный покров.
И не заметишь – окажешься сам

в омуте вешних садов.

Тихо с деревьев стряхнет белый цвет
ваше величество грусть.

Знаю, что в этот парящий рассвет
я никогда не вернусь.

Ген одиночества – грустный аллель,
разочарованный мим
бродит под сводами спящих аллей —
ищет потерянный мир.

Люминесцирует млечная даль.
Чей это призрачный свет?
Падают звезды – роняют печаль.
И окончания нет.

Пределы

Вот так понемногу, по капле
вода не оставит следа
ни марта, ни камня на камне,
ни жизни разбитого льда.
И нас понесет по дорогам
в весенний туманный рассвет
шофер на маршрутке убогой,

которому имени нет.

И так бы оно и случилось, —
темнел умирающий снег,
и чья-то незримая сила
наш пульс запускала в разбег.
И верили: все – несерьезно,
и жили, смеясь и шутя.
А жизни жестокая проза
топила нас словно кутят.

И мы, уплывая в пределы
досель неизвестных миров,
смотрели на мир этот белый
сквозь серость предмартовских снов,
где купол светлел, ускользая
от сумрака наших аскез,
из обетованного рая
отечных весенних небес.

Дым костров

Я вижу мальчика, на дереве сидящего
И яблоки бросающего вниз.
Но он из прошлого, а я из настоящего,
И это все – лишь памяти каприз.

Он улыбается, и вьются его волосы,
А снизу ему дед грозит рукой,
И узнаваемы их оба голоса
В том времени, ушедшем на покой.

И дым костров опять слезит глаза мои.
И запах осени из детства прошлых лет
Опять мне лжет, что все осталось за морем.
Но знаю я, что этого там нет.

Там есть земля, покрытая бурьянами,
Могильный камень на семи ветрах.
И стая птиц, с их ариями пьяными
Не потревожит моих предков прах.

Наши реки

Памяти Николая Рубцова

Плыть по реке на неспешащем судне —
Что может быть приятней и теплей?
Доверить бегу волн года и судьбы
И дух речной увидеть, как елей.

Простым матросом, а не капитаном —
Работать днями в саже и в поту.

А вечерами становиться пьяным
От водной глади, стоя на борту.

Меж берегов спускаться по течению
В туманы утра, в розовый закат,
И предаваться внутреннему пению,
И знать, что нет судьбе пути назад.

Бороться с непогодой и стихией.
И женщину любимую свою
Не забывать, и ждать – писать стихи ей,
И в письмах повторять «Я вас люблю...»

Слова срываясь с губ подобны птицам —
Летят, чтоб возвратиться через год.
И встреча неизбежно состоится,
Как, впрочем, и прощанье и уход.

Плыть в никуда с дымящей папироской.
Нехитрый ужин с другом разогреть.
И этот мир, на первый взгляд неброский,
Любить.

И не бояться умереть.

Песнь пчелы

Я пчела.

Лето жжет. Лето бесит нас.

И летим мы жужжа и брюзжа.

И спасение наше – Медовый спас,

Наше жало острее ножа.

Мы голодные, жадные мессеры,

Мы лютуем с утра до темна.

Нам не так, как вам кажется, весело —

Наша жизнь коротка. И – одна.

Мы корпим.

Мы не просто со-трудники, —

Мы ловцы вкусовых жемчугов.

Мы ныряем в янтарных сот рудники,

Оставляя там капельки снов.

В нашем доме сокровище-золото!

И мы все, как один, за него

Отдадим свои буйные головы.

Жизни мед! – он ведь стоит того.

А когда мы умрем этой осенью —

Кто – от холода, кто – от тоски,

Пчеловод с чуть заметною проседью

Нашим медом набьет рюкзаки.

...

Лето умерло. Землю всю залило,

Над осенними ульями дым.

Все же жаль, я его не ужалила, —
Я за мед посчиталась бы с ним.

Дороги

Вот оно, блаженство пилигрима —
теплые, нехлопотные зимы,
дни мелькают, жизнь проходит мимо,
и за все взимается налог.

Вот и мы, идущие наощупь,
жизнь свою стираем и полощем —
все мечтаем сделать ее проще
и не знаем, слышит ли нас Бог.

Было так всегда, и так и будет:
от беды, от боли, страшных судеб,
уезжают в неизвестность люди
из краев родительских берлог.

Жизнь звала с распахнутою дверью.
Дальше ехать некуда, поверь мне.
Все не так уж плохо, и теперь я
вижу, что я смог, а что не смог.

Знаешь, мы когда-нибудь поедем

снова к нашим соснам и медведям.
Только не рассказывай соседям —
все эти печали не для них.

Там в краю березового ситца
в прошлом, словно в детстве, заблудиться.
Снова увидеть родные лица,
те, которых нет уже в живых.

Счастье превратилось в амнезию.
Что ж ты с нами сделала, Россия?!
Мы твоею милостью – другие —
блудные, наивные сыны.

Выпьем веселящего нас меда.
Примет нас в купель свою природа.
В плен возьмет нас родины свобода —
вечность заколдованной страны...

Человек в окне

Человек в окне
ходит – занят своими делами.
Тусклый свет. На стене
календарь, рядом зеркало в раме.
За окном темно.

Теплый вечер становится ночью.
И висит окно
в небытии, меж труб водосточных.

Не моя страна
стала мне заповедным домом
Не моя вина,
что я стал по судьбе ведомым.
Я построил мост
между двух островов планеты,
но ни West ни Ost
за него не дают монеты.

Мы не верим им,
а они все играют с нами.
И на том стоим
с разведенными полюсами.
Головой в косяк
И роняя за словом слово...
Вот и будет так
До пришествия, до второго.

Человек в окне
говорит по-английски в спешке
о чужой войне,
и о том, что все люди – пешки.
Календарный день
пережит, значит, перевернут.
В зазеркалье тень

тех, кто был здесь когда-то вздернут.

Я читал стихи
для людей, будто резал вены, —
иль они глухи,
иль боятся стихов, как скверны.
С неба свет бежит —
красноватой планеты Марса.
Если есть там жизнь,
я б наверное там остался.

Хоть на час уснуть —
окупаться в глубокий морок,
но сознания ртуть,
как в термометре, прет под сорок.
Перевод стихов —
недо-взаимо-пониманье —
не велик улов,
но и золото – не молчанье.

Человек в окне
Улыбается мне и машет.
Что же нам нужней,
Мы и сами себе не скажем.
На холодный снег
моей памяти розы кинут;
уходить не грех,
но страшной not to be continued.

Косово

Меланхолический серый дождь
снимает боль и лечит раны.
Но тем лечение и странно,
что этой муки снова ждешь.
Она живет всех живых —
звучат так явственно аккорды,
так ощутимо царство мертвых,
и мир предательский так тих.

...

С годами выветрится страх.
Когда-то станет он счастливым.
Но привкус выгоревшей сливы
застынет на его губах.

...

И вот теперь совсем один,
И храм его врагом разрушен,
И сам он здесь уже не нужен, —
И не любим, и нелюдим:
Из близких нету никого,
Мир в ощущениях расколот,
А он, как есть – и серб и молод,
и плачет Родина его.

Осколок витража

Столь интересен, вязок разговор,
но на тебя, боюсь, меня не хватит.
Прости. Я ощущаю, как некстати
свернувшийся в клубок извечный спор

о драме наших жизней и сует,
о тщетности попыток и усилий.
Но кажется, мы как-то упустили
момент, где правда проливает свет

на логику развития событий.
И мы порой немыслимо слепы,
уходим с предначертанной тропы,
не совершив назначенных открытий.

Заманчиво-запутавшийся мир
шельмует, как наперсточник на рынке.
Мы платим за наивность по старинке,
тускнея в пустоте своих квартир.

Так радужный осколок витража,
отталкивая солнечные блики,
себя считает искренне великим,
слегка в руках Создателя дрожа.

Секрет

В голове моей тысячи вальсов
Прозвучали с мальчишеских лет,
Я играл их на кончиках пальцев,
И неслись они ветру вослед.

Звуки мира в меня проникали,
Растворялись, сливаясь во мне,
Становясь каждый день родниками,
Изнутри выплывали вовне.

Я прослушивал сотни симфоний
Проходя по аллеям весной,
И пейзаж городских какофоний
Подпевал мне фальшивой струной.

И о том, что душа моя пела,
Знал лишь ветер да старый сосед,
Но какое ему было дело
До мальчишки двенадцати лет.

Мой друг играет на валторне...

Олегу Никитину

Мой друг играет на валторне
В далекой суетной Москве.
Что может быть смешней и вздорней
Индифферентней и тлетворней,
И вместе с тем, увы, грустней...

Засунув руку в тусклый ра́струб,
Он тянет партию свою —
Судьбу несбывшихся пиастров,
И фатализм экклезиастов,
И многодетную семью...

Спектакль в Театре оперетты
Сам по себе отчасти фарс,
Где все немного Риголетты, —
Нарядно-терпко разодеты —
Смешны и в профиль и в анфас...

Концерт окончен. Ночь просторна —
Плесни-по-сто и пей-до-дна —
На дне стакана спит Луна.
В футляр уложена валторна, —
Она хозяйину покорна,

Она по гроб ему верна.

Клоун

Юрию Никулину

Коснувшись носа «на удачу»
И фото сделав на бегу,
Я, камеру обратно пряча,
Не улыбнуться не могу.

Ты здесь стоишь, золотоносый,
Напротив цирка, на Цветном,
И в бронзе не заметна проседь,
Которая придет потом.

А нос недаром золотится:
Его гайдаевский Балбес
В золотоносные страницы
Шутейно навсегда залез.

Идут года. И мы – потомки,
Коль так вот свидеться пришлось,
Рукой, свободной от котомки,
«На счастье» трогаем твой нос.

На спелой синеве

Саше Селезневу

Заносит снегом мерзлый грунт
на родине, привыкшей к сновиденьям.
И ощущается в ноябрьские бденья
кристаллизация секунд.

Седая ночь в степи вьюжит,
а память ищет солнечное детство,
где старый дом с друзьями по соседству,
и ветер гладит поле ржи.

Какой-то праздник у родни, —
мелькает лиц нечаянное счастье.
Но мимолетны голоса и страсти,
и одиночеством живут дни.

...А тут совсем другая жизнь:
другая музыка, другая кантри.
Не пьют ни доктора, ни музыканты,
и безразличны падежи.

Слова теряют смысл и вес
и отживают пустоцветом все.
Но кто-то вечно радугоу рисует

на спелой синеве чужих небес.

А там, вдали опять снега,
и дым из труб вновь подпирает небо.
И снится ночью вкус ржаного хлеба,
и жаркий пар по чистым четвергам.

Теплеет. Замри – отомри...

Теплеет. Замри – отомри,
Ненужное, вздорное выкинь.
Смотри, как весной фонари
Ее освещают улики.
Едва пробудившись от сна,
Запутав, как водится, сроки,
Линяет под снегом весна,
Его превращая в потоки.
И этих ручьев перелив —
Тонюсенький, первый, чуть слышный,
Становится так говорлив,
Что глохнут березы и вишни,
И тонут...
И ты вместе с ней
Теряешь рассудок и ясность.
А солнце – король фонарей —
Твою освящает причастность.

Иди же, дыши и живи
И в пятнах проталин парящих
Почувствуй дыханье любви
Весенней —
такой настоящей.

Картинка детства

Трамвай звенит и огибает угол,
Посуда дребезжит в стенном шкафу.
Соседский кот срывается – напуган —
И рыжий хвост уносится в строфу
Стремглав и дальше пулей по карнизам,
Оставив позади себя испуг,
Что передался голубям дремавшим, сизым,
И те крылами строк вспорхнули вдруг.
И, поднимаясь из дворового квадрата,
Твой взор магически тянули за собой,
Где неба серый цвет, что был когда-то
В далеком прошлом неизменно голубой.

Новый день

Навстречу солнцу! Только бы успеть...

Рассвет сочится дымчатым туманом.
Над сонным лесом проступает медь,
И воздух утренний мерещится кальяном.

Вот здесь, за поворотом на холме
День окрылится над землей и морем.
И радость вспыхнет гелием в уме, —
Он будет не единожды повторен!

Речь

*Польской речью сердца не обидишь,
по-литовски водочки налей...
Вспомним, как загнали в гетто идиши
и по-русски плакал соловей...*

Юрий Кобрин

Но, казалось, понял все и сам бы,
Улетев за тридевять земель,
сердце пульс отстукивает ямбом, —
парусник души попал на мель.
Жизнь прельстит навязчивою дрянью,
о которой вроде бы мечтал.
Но не прилагается к сознанию
запасного мира филиал.
Не от составителя, конечно,
всевозможных русских словарей, —

речь, как тайнодышащее Нечто,
прорастает фибрами в хорей.
Этой речью пугана Европа
ей же очарована вослед, —
Может, Аввакума Протопопа
распросить, какой ее секрет.
Надышавшись этими словами
вместе с материнским молоком,
Здесь поймешь, что происходит с нами
переосмысление. com.
Происходит рано или поздно —
падает, как на голову снег.
Будто детства августовским звездам
вновь пришлось твоих коснуться век.
Где ж она, славянская натура?
В чьих чужих краях растворена?
Смотрит вдаль то ласково, то хмуро,
словно эмигрантская жена.
Слезы льются внутрь. Их не увидишь.
Речь моя – моя епитимья.
Только как перевести на идиш
русский плач ночного соловья?

Поэту

Цветок уникальный —

живущий без связи с землей,
Свой гений печальный
отождествлявший с зимой.
Себя не предавший,
но жить продолжая вдали
От родины, ставшей
утопией почвы – земли.
И в множестве литер
подспудная тяга к воде:
Венеция, Питер, —
а больше, пожалуй, нигде.
Каналы, заливы
к твоим направляют морям.
Они еще живы,
но как же беспочвенно нам.

Даша Николаенко

Беларусь, г. Минск

Родилась 1992 году в Минске. Программист. Окончила Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники.

Из интервью с автором:

Играю в рок-группе «Endogenesis», занимаюсь спортом, а в перерывах пишу крошечные рассказы. Все пылится на полке, никем не прочитано. Но мысли просятся наружу, так много хочется сказать, так о многом хочется поговорить.

© Николаенко Д., 2017

Три минуты

– Я всегда буду с тобой! – сказала она и покраснела.

Он уже знал, что это ложь. Такой маленький, такой простой человек, не видевший в жизни обмана, уже знал, что она не придет.

История начиналась в городе М. Она была женщиной лет тридцати пяти. Слегка полноватой, с густыми каштановыми волосами, опускающимися на плечи, и хорошей кожей. Ей было тридцать пять, она была одинока.

У нее еще не было мужа, у нее уже не было друзей... У нее еще не было детей, у нее уже не было родителей. Она была одинока.

Она любила прогуливаться по тихим улочкам мистического города М., наблюдать за прохожими, разглядывать витрины магазинов, слушать шелест деревьев и ощущать на своем лице дуновение ветра. Она много читала, много слушала,

много смотрела. Она была одинока.

В один из тоскливых вечеров она поняла, что ее жизнь не имеет смысла, что она стала тусклой и серой, что ушли радость и свет из ее души и дома. Она поняла, что одинока.

Эта мысль не давала ей покоя. Она перестала спать, перестала читать, слушать, смотреть. Все мысли были заняты лишь одним: «Я встречу старость одна. Как я несчастна, как я страшно и бесконечно несчастна»... Она лишь была одинока.

В другой тоскливый вечер она решилась на шаг, который должен был изменить всю ее жизнь, придать ей смысл и краски. Она собрала документы, привела волосы в порядок и отправилась в детский дом.

Он был мальчиком лет пяти. Слегка полноватый, с густыми каштановыми волосами и хорошей кожей. Ему было пять, он был счастлив.

У него не было дома, у него не было мамы, у него не было папы, у него не было игрушек и новых штанишек. Он был счастлив.

Он любил часами напролет смотреть за окно, считать звезды, ловить языком снежинки и ждать, когда они растают и превратятся в холодные капельки воды. Он был бесконечно счастлив.

В один из солнечных вечеров он понял, что носок, который ему подарил на Новый год Дедушка Мороз, – самая луч-

шая игрушка в мире, что женщина за окном, которая каждый вечер выносит мусор, – самая прекрасная и добрая тетя, что звезд на небе непременно десять (ведь он пока не умел считать до ста). Он понял, как он счастлив.

В другой солнечный вечер в комнату, где он жил с другими ребятами, вошла женщина лет тридцати пяти. Слегка полноватая, с густыми каштановыми волосами, опускающимися на плечи, и с хорошей кожей. Ей было тридцать пять, было видно, что она одинока.

Он подошел к ней, ласково улыбнулся. Почему-то ему стало нестерпимо жалко эту красивую женщину. Она протянула руку и погладила его волосы.

– Она нашла меня, – подумал он.

– Как же я одинока, – подумала она.

– Я вас люблю! – тихо прошептал он.

– Я всегда буду с тобой! – сказала она и покраснела.

Он уже знал, что это ложь. Такой маленький, такой простой человек, не видевший в жизни обмана, уже знал, что она не придет.

Она ушла. Он больше никогда не видел ее. Он был счастлив и благодарен ей за 3 минуты надежды, за 3 минуты радости и любви. Он был счастлив.

Она была одинока.

Отец

– Ты знаешь, что подарил мне отец?

– Нет, скажи же скорее, что это?

– Он привез мне красную машинку! Представляешь? Она такая красная, такая... аж глазам больно!

– Я очень рад за тебя! Я тоже давно хотел такую машинку, только мой папа не может мне ее подарить. Он подарил мне деревянный меч. Я был так счастлив, папа сам его сделал.

– Знаешь, что отец мне еще привез?

– Нет, скажи же скорее, что это?

– Он привез мне много вкусных сладостей! Они такие мягкие и красивые! Всех цветов радуги, я некоторых даже не знаю. Есть такие кислые, такие... аж лицо сводит!

– Я очень рад за тебя! Я бы очень хотел попробовать, только папа не сможет мне их купить. Он сделал для меня вкусные конфеты из сахара. Они были такие сладкие, и их была целая сковорода! Я был так счастлив, папа сам их сделал.

– Знаешь, что отец мне еще привез?

– Нет, скажи же скорее, что это?

– Он мне привез новую куртку! Она такая пушистая и большая! Теперь мне никогда не будет холодно! Она такая теплая, такая... аж в пот бросает!

– Я очень рад за тебя! Я очень бы хотел хоть одним глазком взглянуть на нее, папа не сможет мне подарить такую. Он сшил для меня тулупчик. Он весь в клеточку, синюю и зеленую. Я был так счастлив, папа сам его пошил.

– Расскажи мне про своего отца.

– Мой папа – самый лучший папа. Он может сделать все на свете! Он большой и сильный. Он мягкий и теплый. Он знает все и обо всем. У него красивые черные волосы и синие глаза. У него колючая борода, мне очень щекотно, когда он целует меня в щеку. Он разговаривает со мной, как со взрослым, даже когда я ничего не понимаю! Но я пойму! Я обязательно пойму! Вот только подрасту немного! Я непременно буду похож на него. Иначе не может быть. Он очень любит меня. А я еще больше люблю его.

– ...Мой папа тоже очень хороший... он подарил мне машинку. Она такая красная, такая... аж глазам больно. Еще он привез мне целый мешок вкусных конфет. Они такие кислые, такие... аж лицо сводит... Куртку подарил... теплую... такую... такую... я больше никогда не замерзну... Его почти не бывает дома. А когда он приходит, то почему-то смотрит в какой-то ящик, где мелькают разные некрасивые картинки. Его почти не бывает дома. Но он очень любит меня. ... Он подарил мне машинку... она такая красная... такая... аж больно...

– ...Я очень рад за тебя... (хочешь?) я могу поделиться папой.

– Что ты... Мой отец очень любит меня... он подарил мне машинку... она такая красная, такая... больно...

Преступление

Мы жили в деревне. Там было всегда тепло, всегда светло. Мы были счастливы, и сейчас я хочу рассказать историю нашего счастья.

Меня зовут Катей. Меня так назвала бабушка. Мне никогда не нравилось это имя, но я об этом никому не говорила, не хотела обидеть бабушку. В моем воображении меня звали Камелией.

Моя мама очень хотела мальчика. Она мне постоянно говорила об этом. Когда мама узнала, что беременна, то была очень счастлива, но еще более счастливой она бы стала, если бы родился мальчик. Я подвела маму. С этим живу и по сей день.

Меня зовут Катей. Меня так назвала бабушка. Обычно имена детям придумывают их родители. Моя мама хотела мальчика. Она была немного разочарована, когда родилась я. Долгое время не могла смириться с этой мыслью. Выбранное для меня имя решила не менять. Два дня моей жизни меня звали Михаилом, Мишелем. Теперь меня зовут Катей.

Меня так назвала бабушка. Мне никогда не нравилось это имя, но я благодарна бабушке за то, что я Катя. За то, что не Михаил. Хотя и очень обидно, что с мамой так вышло.

В первые годы своей жизни я была золотым ребенком, так мне рассказывали. Что случилось потом – загадка. Но из прекрасного лебедя я превратилась в гадкого утенка. Очень собой похожего на мальчишку, но с девичьим сердцем. Кто видел меня впервые, не догадывался, что я девочка. Из всех своих маленьких сил я старалась исправить ошибку природы и как-то порадовать маму. К моему великому удивлению, ее это совсем не радовало. Почти каждый день моего существования мне влетало и прилетало, прилетало и влетало. Короче говоря, детство у меня было веселое.

В пять лет я поняла, что не справляюсь с ролью мальчишки. Пошла на крайние меры. Я понимала, что без брата моя мама не сможет быть до конца счастливой. Оставалось только раздобыть его. У нас в деревне было полным-полно мальчишек. Но я никогда не была глупой, понимала, что мне с ним жить. Поэтому каждый мальчик проходил жестокий отбор. Лопоухих я не брала в расчет. Что это за брат – с большими ушами? Я уже тогда знала, что большие уши, большие глаза и большие зубы не сулят ничего хорошего.

И вдруг, в один чудесный солнечный день, я встретила его. Ему было три года, его звали Мишей. У него были тем-

ные курчавые волосы и зеленые глаза. Все, как я хотела, да еще и имя подходящее, как мама задумывала.

Мне было жутко страшно. Легкое ли дело, подойти к незнакомому мальчишке и предложить ему стать моим братом? Вот и я тогда понимала, что это тяжело и очень страшно.

И все-таки я собралась с силами и детскими мыслями, подошла к нему в песочницу. У нас была замечательная песочница, в ней одновременно могли играть пять или шесть детей. И я воспользовалась этой возможностью, чтобы остаться неузнанной.

К моему великому удивлению, Мишу по прозвищу «Бывалый» не пришлось долго уговаривать. Стоило мне достать из кармана леденец «петушок», как он ответил мне согласием.

Мы вместе пошли ко мне домой знакомиться с мамой и бабушкой. Не могу выразить, что чувствовала я в тот волнующий момент. Мое маленькое девичье сердце вырывалось наружу: что же скажет мама, как отреагирует? Я очень хотела новую куклу. Мечтала, что когда я приведу маме братика, она обязательно должна мне ее подарить. Как же иначе? Нет. Точно подарит. Я уже была беспредельно счастлива.

И вот я держу нового братика за руку, стучусь в дверь (я тогда еще не доставала до дверной ручки и не могла отворить дверь самостоятельно). Дверь открыла бабушка. Улыбнулась. Проводила нас в комнату и оставила. Я поняла, что

благословление бабушки у меня в кармане, теперь оставалось найти маму.

Через некоторое время дверь в нашу комнату отворилась и вошла мама. Все мои тринадцать зубов показались белому свету. Я не могла сдержать улыбки и восторга. Какая я молодец! Теперь мной можно гордиться! Теперь мама не будет жалеть, что получилась Катя, а не Михаил. Теперь все станет просто замечательно. Но что-то странное отразилось в маминых глазах, когда я рассказала ей, кого привела домой навсегда. Сначала я подумала, что это радость, но после того, как она сняла ремень со спинки стула, я поняла, что мальчик ей не очень понравился. Надо было лопоухого брать. Лопухие всем нравятся. Как же я так...

Мама простила меня не сразу... С момента моего преступления прошло дней шесть или больше. Я тогда еще не очень хорошо могла сосчитать. Мне было очень плохо, повезло, что у меня была бабушка. Она сказала, что мальчик был неплохим, сказала, что ей он очень даже понравился. Почему же мама этого не увидела?..

Так я потеряла последнюю надежду загладить свою вину перед мамой. И почему я родилась девчонкой? Зачем? В пять лет я перестала понимать что-либо в этом мире. Мой первый удар... Но какой же он был сильный, какой же несправедливый он был, взрослый...

Всю мою жизнь я помню этот случай. За сорок восемь лет мама так и не смогла простить мне ошибку природы. Я стала взрослой, у меня уже свои дети. Я люблю их всех: двух девочек и одного мальчика. Я надеялась, что мой собственный сын принесет ей счастье. Но, как и много лет назад, я совершила преступление. Только в этот раз – перед собой. Сорок восемь лет я сражалась с ветряной мельницей, стараясь изо всех сил добиться любви самого близкого мне человека. И только сейчас, когда у меня появились свои дети, я поняла, что невозможно не любить их одинаково сильно, если ты любишь, если способен на это.

Некоторые люди не способны на любовь. Их нельзя осуждать, но и сражаться с ними бесполезно. Поверьте! Я знаю...

Пластилин, монолог

От рождения мы – куски пластилина. Их раздают без системы, без предрассудков нашим матерям. Кому-то попадет в руки грубый кусок черного, кому-то – мягкий и приятный на ощупь кусочек солнечно-желтого пластилина. Кому-то повезло, а кому-то не очень. Что же делать?

Можно выкинуть твердый кусок пластилина в окно, можно оставить все, как есть, и больше никогда не притрагиваться к тому, что неприятно. Можно попробовать помять его в руках, попытаться сделать из него что-то мягкое и подат-

ливое. Можно попытаться подуть на него теплым воздухом, слепить нечто прекрасное. Можно придать ему иной оттенок черного, черного благородного, теплого черного.

От рождения мы – куски пластилина. Их раздают без системы, без предрассудков нашим отцам. Кому-то попадает в руки грубый кусок черного, кому-то мягкий и приятный на ощупь кусочек желтого цвета. Отцы решают, лепить ли солнце или тучу. Мять ли его грубой мужской силой или мягким отцовским прикосновением. Оставить ли его наедине со своим черным цветом или перекрасить в яркий желтый. Что же делать?

Каждый сам для себя решает, что сделать с куском доставшегося ему пластилина. Каждый сам решает, будет ли он любоваться тонкой фигурой или взирать на уродливый комок.

Доброе дело

*Когда-то знал я жизни суть
и эту мысль хранил глубоко,
боялся лишний раз вздохнуть,
но был обманут ей жестоко.
Все оказалось ложью дикой,
она лишь ложь, а я разбитый...*

– Деда, а ты добрые дела делал?

– Злых, подлых не делал, а доброе-то как, что ни дело – все добро. Зачем спрашиваешь?

– А я вот – нет, деда...

– Да как же? Я тебя утром просил яблоню из ведра полить?

– Просил.

– Полил?

– Полил.

– Чем не добро? Она все силы свои в жаркие дни растеряла, а ты ей жизнь, почитай, и спас. Самое что ни на есть добро.

– Не, деда, это все не то. Нужно серьезное дело какое-то совершить, понимаешь?

– Добрее, значит?

– Ну, так.

– Прости, сынок, видать, не делал я добрых дел... Вон оно как вышло.

– Ты не грусти, мы сейчас придумаем что-нибудь, сделаем по-настоящему доброе дело, деда, по-настоящему доброе.

– Славно это.

Я побежал выдумывать то самое доброе дело, а дед остался сидеть на скамейке, вспоминая всю жизнь свою поминутно, думая и соображая, как же так вышло, что за серые годы свои и жил-то неправильно, все как-то недостаточно, и

настоящего не знал ничего. И вспоминал собаку свою, Лужку, которую в лесу щенком еще нашел. То раннее утро было, дед в лес за грибами отправился. Уж и в самую чащу зашел, тишина, только ветер верхушки деревьев тихонько колыхает, смахивает с веток капли росы, они летят бесшумно, неспешно и разбиваются так же. Дед ступал осторожно, мягко, дабы не нарушить покой этой такой другой жизни. Но вдруг раздался писк, казалось, мышь какая или птенец. Дед пошел посмотреть, что там копошится, раздвинул кусты и увидел щенка. Маленького, только мягким пухом покрывшегося щеночка. Не стоило и гадать, как попал он в самую чащу леса... Видать, не угодил хозяину, что беспородным уродился, вот и отвезли его да поглубже в лесу оставили. Тут дело простое, либо с голоду помрет, либо зверь дикий ночью раздерет. Нагнулся дед, поднял дрожащего щенка с земли, положил в карман да домой направился отогреть и отпаивать нового друга своего. А друг тот подругой оказался, Лужкой назвали. Четырнадцать лет с дедом бок о бок прожили, куда он, туда она. А под старость умирать в лес ушла. Тихо подошла, последний раз руку деду лизнула, в глаза посмотрела и ушла. Вот ведь животное, даже смертью своей деда огорчить не хотела. Думал, за добро его таким преданным другом была, оказалось, не настоящее то добро было.

И вспомнил соседа своего Петруся. Тому уж сто годов было, уж и палки в руках удержать не мог, а все гордый, помощи ни в чем не принимал. Детей не было, жена лет пятнадцать

как Богу душу отдала. Петрусь мужик работающий был, но без Аглаи – и бульон не знал, как сварить. Сто домов поставить мог, а как каша из крупы перетворяется, понятия никакого не имел. Угас Петрусь, похудел, осунулся, из-за морщин глаз не видать. Ходил дед к нему, много дней ходил, все помощь какую предлагал, тот все отказывался, а в последний-то раз и вообще ведром запустил. Решил тогда дед ночами ему еду под порог ставить. То картошки мешок, то молока бидон, то хлеба с медом оставит. Петрусь, может, и догадывался, может, и недоволен был, но виду не подавал и еду не выбрасывал. Через несколько лет халупа его почти что развалилась, приехали люди из совета и увезли Петруся в город, говорят, в дом какой-то, где стариков одиноких содержат. Петрусь на вторую же ночь умудрился оттуда бежать, но, выйдя за забор, остановился. Так его и схватили. Говорят, он умер там же, через неделю-две. Дед сокрушался тогда, как не догадался он с домом помочь. Видно, вот оно было бы, доброе дело.

Или взять хотя бы бабку нашу Марфу. Все у нее по жизни ладно выходило, и по хозяйству, и в делах семейных. Одна беда была, никак с растениями домашними у нее не получалось. Она и поливала, и подкармливала, но все неизбежно погибали. Казалось бы, пустяк, мелочь такая, а бабка в печали ходила. Дед раздобыл где-то росток алой розы, посадил его в горшок да на подоконник выставил. Бабка ходила вокруг него несколько дней, потом не выдержала. Поливала аккуратно, исправно, как подруги советовали, вот только не

догадывалась она, что дед каждую неделю новую розу в горшок сажает. Уж и не знаю, сколько у него саженцев было и где он за ними ухаживал, но бабка счастливая ходила и все перед подругами розой хвалилась.

Сидел на скамейке дед, всю жизнь свою по камушкам перебирал. Неправильно он жил, как-то недостаточно, и настоящего не знал ничего. Но вот с горки бежит малыш, весело так бежит, подпрыгивает, видать, дело-то выдумал истинное, доброе. Славно это, подумал дед и уснул. Уснул с одной-единственной мыслью – он-то знает, у него-то получится, славно это, славно...

Большое окно

– Ты старая женщина, но я спрашиваю тебя, разве ты мудрая? Как можно было так поступить, прожив на земле почти век? Нет, ты сделала это специально. Ты мстишь мне! Не знаю, что сделал я, но это некрасиво. Ты же сама учила меня доброте! Так почему так? Почему? Я тебя спрашиваю. ...Конечно, сейчас ты прикидываешься больной. Не нужно цирка, его в моей жизни предостаточно. И не закатывай глаза. Это невыносимо. Ты можешь хоть раз поговорить по-человечески? Ясно... Я все понял. Хорошо. Как угодно. Оставайся тут одна. Я не приду больше. Ты добилась своего.

– Я вас не понимаю. Вы знаете моего сына? Он сейчас очень далеко. Так далеко, что встретиться с ним вновь я уже

не смогу. Он где-то там, где-то далеко, там. А может, его уж и нет. Да... думаю, его больше нет. Так почему же я еще здесь? Ах, да, вы что-то хотели?

– Снова этот твой бред. Может, позвать врача? Он вколет тебе что-нибудь, и мы продолжим разговор?

– Уходите. Я прошу вас, уходите. У меня большое горе, я потеряла сына. Уходите, прошу вас.

– Я уйду. Я ведь действительно уйду.

И он ушел. А она осталась сидеть в маленькой комнатке с большим окном. Она осталась сидеть на узкой кровати около тумбочки. Она осталась сидеть, как и прежде, одна.

– Вот ведь, совсем лишилась рассудка... Сказала, что я умер. Видимо, она уже не в состоянии переписать завещание. Пойдем отсюда.

И он ушел. А она осталась сидеть в маленькой комнатке с большим горем. Она осталась сидеть на узкой кровати около тумбочки. Она осталась сидеть, как и прежде, одна.

Счастье близко, нужно лишь дотянуться рукой. Его не видит только тот, кто разучился смотреть. Я его вижу. Вот только длины руки не хватает.

Ангелочек

– Как ты сегодня, моя девочка?

– Хорошо, мамочка! У меня почти ничего не болит. Смотри, что мне подарил дядя доктор. Он сказал, что это мне поможет. Красивая картинка, правда?

– ...Да... конечно, родная. Очень красивая. Может, ты чего-нибудь хочешь? Чего-нибудь вкусного?

– Нет, мамочка. Дядя доктор сказал, что мне нужна кровь. Какой он глупый! Она же невкусная. Она ведь невкусная, правда?

– ...Да... конечно, родная. Совсем не вкусная. Я приду завтра. Я привезу твоего любимого зайчика, чтобы тебе не было скучно.

– Не нужно, мамочка. Тут много несчастных и грустных людей. Зайчику будет страшно.

– А ты не боишься?

– Нет. Я уже совсем большая стала, мамочка. Так доктор говорит. Он, конечно, очень глупый, но в этом он прав. Я ведь совсем большая, правда?

– ...Да... конечно, родная. Совсем большая. Я приду завтра.

Она развернулась к двери, и по ее щекам скатилась пара тяжелых слез.

– Не убивайся так, моя дорогая. Она была ребенком, теперь она стала ангелом. Не убивайся так, она видит тебя и ей грустно оттого, что ты так несчастна.

– Кровь. Ее так много в наших телах. Всего лишь кровь. И никто не отозвался на наш зов. Разве это возможно?

– О, это ужасно! Верь мне, я бы дала ей свою, ведь у меня эта, редкая, как же ее... Третья отрицательная. Но я очень боюсь уколов! Не убивайся так, моя дорогая.

– Она была ребенком, теперь она стала ангелом... Она стала прекрасным маленьким ангелочком, чистым и светлым. Возможно, ей повезло больше, чем мне. Она никогда не увидит страшных людей.

– Ты совершенно права! Только не убивайся так, моя дорогая.

– Я рада. Но я стану абсолютно счастливой, если больше никогда не увижу тебя... моя дорогая...

Наперегонки с ветром

...скорость овладевает мной, здравого смысла не существует более, жму на ручку газа все сильнее, почти перестаю видеть дорогу, в ушах свистит, переключаю передачу и жму снова, но это не все. В этот момент, когда переднее колесо практически не касается земли, самое время отпустить руль,

медленно, скользя пальцами по баку, распуścić крылья и довериться случаю, судьбе, удаче, как угодно, лишь бы не владеть ничем в это мгновенье. Ни о чем не жалею и готова ко всему, не хватает лишь музыки. Такой, что заставляет идти в бой, вставать, когда уже не можешь идти, той самой музыки мне не хватает сейчас, и все было бы нипочем. Но ее нет, коленки предательски трясутся, сердце вот-вот выпрыгнет, главное сейчас не останавливаться! Выжать из этого момента весь страх и восторг, все мужество и глупость, возможно, успеть подумать о главном, возможно, понять, что такое это самое главное. Ведь знаю наверняка, остановись я сейчас, и никогда больше не повторю я такого безумства, безрассудства, глупости такой. Ветер в моей голове, выбоина, полет...

О чем-то я думала, да, точно знаю, о чем – о маме думала я. «Вот дура!» – скажет она, «Нет, ну какая же дура!» – повторит. Да, она будет зла, это уж несомненно.

«Я потратила на нее лучшие годы своей жизни, я дала ей образование, развивала все ее таланты ради этого? Самостоятельной она быть хотела, решения принимать... Куда привели ее эти самые самостоятельные решения? В 14 лет она решила худеть. Перестала налегать на мучное и сладкое. Здорово, казалось бы. Далее оказалось, что крупы содержат много калорий, за крупами овощи, за овощами фрукты... Дошло до того, что она стала питаться половиной яблока в день, а

после и половиной апельсина. Самостоятельная девушка наша не хотела никого слушать, устраивала истерики, сбегала из дома и даже дралась, только бы ее не накормили случайно. Однажды в разговоре я заметила, что у нее неестественно темный язык, попросила показать, он оказался темно-коричневого цвета. В ужасе я схватила девчонку за шиворот и силой приволокла к врачу. Мы успели вовремя, но вред здоровью был уже нанесен. Только и делала, что работала на лекарства», – скажет она. Если задуматься, у меня все было под контролем, страшного ничего ведь не произошло, но каждый раз при случае припоминает она все болячки мои.

«Спортсменку из нее сделать хотела, ведь все данные были, желание было, я видела! На художественную гимнастику с 5 лет отдала, чтобы с детства приучить к труду и ответственности. Все было, и слезы, и крики, так заниматься не хотела. А как иначе, все подружки во дворе в дочки-матери играют, а она дома вынуждена сидеть, растягиваться и элементы день и ночь повторять. Разве же я в это время отдохнуть могла, ведь с ней тут же и сидела... Раз, два, три, раз, два, три, носок тяни, спинку ровнее, в музыку не попадаешь... Теперь она говорит, что строгая мать была, что ребенка силой заниматься заставляла. Может, оно и так, может, мать и тиран... Но когда она выходила на маты спокойная, красивая, совсем еще ребенок, но такая взрослая. Когда она исполняла программу от начала и до конца, что бы

ни происходило вокруг, не останавливаясь, не спотыкаясь. Когда она ставила точку, разворачивалась и шла ко мне навстречу, недовольная своим выходом. Когда глаза были полны слез, но изо всех сил держалась, пока ее еще хоть кто-нибудь мог ее видеть. Когда после всего объявляли победителей, она выходила, и глаза ее сияли ярче звезд. Она была счастлива, и я за нее! Ради этого согласна быть тираном. И вдруг она самостоятельной стала. Готовились к очередному соревнованию, одному из самых важных в ее жизни. Друзья позвали на каток, согласилась, не все же дома сидеть. Просила же, будь осторожна, постарайся не падать, это может быть опасно. Да где там... Надела коньки и полетела наперегонки с ветром. Позвонили уже из больницы, мол, приедьте, пожалуйста, за своей дочерью, она руку сломала. Плакали наши соревнования, а вместе с ними все мои старания и надежды...» – вспомнит она. Как же я обижалась тогда, уверена была, что хуже детства и быть не может. Вечные крики, ежедневные тренировки, и так тяжело, невыносимо мне было. А потом еще рука эта... Ну, ведь случайность! Упала на льду, как все падают, просто хрустнуло что-то. Так ведь и спортсменки из меня не получилось, чего уж теперь вспоминать.

«Доброте, состраданию учила... на свою голову. Всех на свете теперь жалеет! Однажды возвращаюсь с работы домой, встречает меня, сумки из рук выхватила, все бегаёт вокруг, хлопочет. Я же мать, сразу почувствовала неладное. Вижу

ведь, глаза бегают, уже натворила что-то, мысленно подготовилась ко всему... Спрашиваю, что случилось. Молчит, глаза опустила, а из комнаты, посапывая, выползает щенок. На улице у каких-то алкашей, говорит, забрала. Так не просто выпросила, а прямо силой выхватила и удрала со щенком домой! Спасла, называется, от неминуемой гибели. Я вне себя была, кто теперь за ним следить будет, выводить, кормить? Самостоятельная, говорит, сама и будет. Прошло две недели, возвращаюсь домой, на меня из комнаты выглядывают два предательских карих глаза... Кота притащила! Говорит, в школу выходила, а он в подъезде один-одинешенек сидит, решила спасти. И все бы ничего, но самостоятельности хватило на месяц-другой, а дальше кто за всем этим зоопарком ухаживал? Правильно, мать-тиран. Доброте, состраданию-то научила, а вот ответственности, похоже, нет. Эгоистка! Дура и эгоистка...» – подумает она. Я ведь не со зла или из вредности все это... Каждый раз из самых лучших побуждений и с самыми искренними намерениями все это делаю! Но память плохая, забываю через время все то, о чем обещала. И сейчас что-то забыла, но нет больше времени, чтобы вспомнить.

Мгновение проходит. Думаю о маме, не хотелось бы ее расстраивать, ведь она во всем права. Ну, может, ей и стоило разрешать мне приходить домой после 11, но в остальном права. Ни о чем не жалею и готова ко всему, не хватает лишь

музыки.

Раздался телефонный звонок. Кто может звонить на домашний, ведь все давно пользуются только мобильными телефонами. Поднимаю, кто-то разбился, разбилась. Падает трубка, в беспмятстве выбегаю из квартиры, ловлю такси, кричу: «Вот дура! Нет, ну какая же дура! Если только она жива, я придушу ее собственными руками! Если только она жива...»

...скорость овладевает мной, ветер в голове, и кажется мне, что все возможно, стоит только выжать ручку газа на максимум, и думаю я, что эта жизнь только моя, могу переключить передачу и крутануть еще. Не ради протеста или от глупости, а лишь ради свободы отпустить руль, медленно, скользя пальцами по баку, распустить крылья и довериться случаю, судьбе, удаче, в конце концов.

«Но разве жизнь моя принадлежит мне?» – подумаю я... Опущу руки на руль, сбавлю скорость, даже и совсем остановлюсь. Сниму шлем, вдохну чистый весенний воздух, улыбнусь и позвоню маме:

– Чего на домашний звонишь?

– Разбилась.

– Где разбилась, как разбилась?!

– Ваза твоя любимая лет 15 назад разбилась, помнишь?

Так вот это я была...

– Вот дура! Нет, ну какая же дура!

Кэвин и Кэйт

Белое перо упало на чашу весов, и жизнь изменилась. Красивое и такое правильное, оно навсегда изменило историю нескольких неважных людей. Вот только знали ли они, имели ли представление о тайнах мироздания или хотя бы о тайнах друг друга. Зброшенный дом, стоявший на отшибе, казался таким же мертвым и бездушным, как и все здесь. Не было жизни ни в реках, ни в деревьях, ни в людях.

Медленно передвигаясь из пункта А в пункт Б, такие угрюмые и безразличные, они проживали день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Когда я поселился в этот заброшенный дом, я думал лишь о красоте этих мест, о тишине. Тишина. За многие годы жизни в мегаполисе я мечтал лишь о ней и все бы отдал за нее. Я хотел жить в одиночестве, и поэтому сбежал в этот дом. Но через несколько недель я понял, что не один.

Однажды вечером я прогуливался по саду около дома, слушал шелест листвы – песню уходящего лета. Я шел медленно, ни о чем не думая. Вдруг я услышал чьи-то шаги позади. Мне все равно, кто это был, я шел и ни о чем не думал. Шаги приближались, становились смелее. Что-то коснулось

моей ноги, я не смог сделать шаг и потому обернулся.

За моей спиной стояла девочка лет шести. Она держала меня за задний карман брюк. Она вцепилась в него мертвой хваткой и, казалось, уже ни за что не отпустит. Я улыбнулся. Не обладая приятной внешностью, я понимал, что пугаю ее и вновь улыбнулся.

– Как зовут тебя? – успел спросить я, как что-то холодное коснулось моей руки.

Передо мной стоял мальчик лет шести. Он держался за рукав моего пиджака и смотрел на меня большими карими глазами. Я улыбнулся.

– Сколько же вас в этом саду? – успел спросить я, когда мальчик и девочка взялись за руки и заплакали.

Все было решено, решено за меня этими маленькими рыжими созданиями, а я не сопротивлялся.

Мы вернулись домой, за всю дорогу не сказав ни слова. Дети держались за руки и не отпускали моего кармана и рукава.

– Наверное, вы проголодались? – поинтересовался я, но ответа не последовало. Они лишь переглянулись на секунду и смешно причмокнули.

– Да, думаю, вы голодны. Сейчас я приготовлю что-нибудь на ужин. А вы пока поиграйте в гостиной.

Я попытался разжать руку девочки и освободить свой кар-

ман. Не вышло. Карман остался в ее руке, впрочем, как и кусок моего рукава остался в кулачке мальчика. С тех пор я не ношу брюк с карманами и отказался от пиджаков.

Я отвел их наверх и принялся за ужин. Они сидели тихо, словно мыши. Мне показалось это странным для детей их возраста. Да, с ними определенно было что-то не так.

К моему удивлению, когда я зашел в комнату, чтобы позвать детей к столу, они сидели так, как я их оставил. Казалось, они и не шелохнулись с того момента, казалось, и не вздохнули. Я попытался спустить их в столовую, но все мои попытки были тщетны. Они сидели, сидели и смотрели друг на друга, словно боялись навсегда потеряться из виду. Мне пришлось принести все наверх, но и тогда они не притронулись к пище. Еще долгие часы я пытался хоть что-то узнать. Как их зовут, откуда они пришли, где их родители. Безрезультатно. И я сдался.

Постелив постель и оставив ужин на столе, я собирался уходить. Я уже открывал дверь, когда услышал тоненький писк. Обернувшись, я увидел сидевших на одной кровати детей, державшихся за руки. Тишина. Я снова попытался уйти, но услышал уже чуть похожий на шепот голос.

– Оставит? – спрашивал один.

– Оставит, – тихо отвечала другая.

– Оставлю! – про себя произнес я.

С тех пор мы жили втроем. Многих трудов стоило мне разговорить детей. Я узнал, что зовут их Кэвин и Кэйт, им по шесть лет, они брат и сестра. У них были рыжие прямые волосы и карие глаза. Их взгляд завораживал. Казалось, будто они что-то знают, что-то такое знают, что-то сильное знают. Я не пытался спрашивать. Я лишь любил их, а они полюбили меня.

Мы жили в заброшенном доме, стоявшем на отшибе. Снаружи он казался таким же мертвым и бездушным, как и все здесь. Но внутри была настоящая, бьющая через край жизнь. Звонкий смех, топот маленьких ножек, слезы неудач и крики побед. Было все... до одного дня.

В тот день я, как и всегда, стоял на кухне и пытался приготовить что-нибудь съедобное. Дети сидели наверху. В дверь постучали. Это была пара странных угрюмых людей. У них были прямые рыжие волосы и пустые карие глаза. Я сразу все понял. Не желая разрушать свой мир... наш мир, я вывел их из дома на террасу. Разговор шел тяжело. Я врал, я так безудержно врал, что крупные капли пота выступали на лбу.

В это время Кэвин и Кэйт были наверху. Обычно такие тихие, они решили поиграть. Дети взяли подушки и стали резвиться на кровати. Забава, детская безобидная забава.

Казалось, все уже кончено. Я убедил рыжих людей, каза-

лось, все обошлось. Но белое перо вылетело из окна и медленно опустилось прямо на нос рыжего мужчины. Он снял его и посмотрел наверх. Все было кончено...

Белое перо упало на чашу весов, и жизнь изменилась. Красивое и такое правильное, оно навсегда изменило историю нескольких неважных людей, несчастных детей, прекрасных детей, моих детей...

Дмитрий Ванин

г. Москва

Родился в Пензе. Учился в МФТИ, работает в страховой компании.

Печатался в журналах «Сура», «Пролог», «Красный Се-
рафим» и нескольких сборниках.

Из интервью с автором:

Увлекаюсь книгами и шахматами. Пишу мало, несколько стихотворений в год, поскольку очень редко могу угодить своему вкусу. Не писать совсем не получается. Все время вспоминаются слова Бродского о том, что «поэзия – это наша видовая цель». Без нее жизнь пустеет.

© Ванин Д., 2017

Летом

1. Дождь

Все вокруг насквозь промокло.
Ночь становится длинней,
до краев наполнив окна
влажным шумом тополей.
Мне пятнадцать. Нашу дачу
обступает шум и ночь,
и над крышей, как над мачтой,
точно в будущем – темно.

2. Дальняя дорога летом

Каждый – где-то.
Каждый – в чьих-то объятьях.
Только мы с тобой – нелепые дети.
Ладочки с запахом мяты.
Мы лежим, ухватив в горсти,
реку, город и синее поле,
и тихонько с тобой грустим,
а о чем, уже и не помним.
И в сплетенье ночных теней,
в потаенной пучине судеб
слышим только, что смерти нет,
смерти не было и не будет.

Осеннее

За окнами так холодно. Должно быть,
березы прячут пальчики в перчатки,
и строчки, разбегаясь от озноба,
подрагивают тонкими плечами.
А я сижу и греюсь у камина,
укрывшись пледом в синенькую клетку,

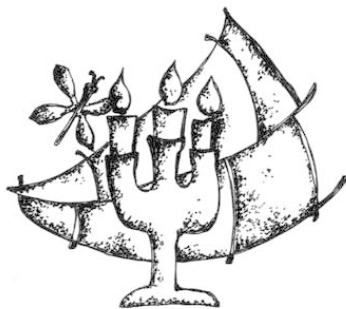
и булки на подносе пахнут тмином,
и ласковые руки пахнут летом.
И есть у нас вино, миндаль и цедра,
огонь в камине, взгляд лилово-серый...
Господь не будет с нами слишком щедрым.
Господь не будет слишком милосердным.
Ни капельки не думая о грустном,
перебираю волосы, как клевер,
но если есть на небе Бог для русских,
то этот Бог – законченный холерик.
Он выдумал простывшие сирени,
дожди и грозы, и хромую осень,
и все, смеясь, поставил на колени,
и все, в слезах, на эту землю бросил.
Мы все переживем и перетерпим,
и даже будем счастливы отчасти...
И к лучшему, что в этом мире терпком
не задохнемся от слепого счастья.

Прощание

И женщина предаст, и друг,
и никого не станет рядом.
И неизбежным листопадом
дни тихо выскользнут из рук.
А ты подумаешь: «И пусть...»

Пересчитаешь, что осталось:
на сердце колкая усталость
и светлая, седая грусть.

И вот тогда поймешь: легко,
почти что с радостью, бесстрашно,
ты скоро сам себе помашешь,
прощаясь, тоненькой рукой.

Вечер в декабре 2013 года

Теперь ни с кем не чувствую родства,
лишь мрачную, глухую отчужденность.
Вы жизнь свою живете на раз-два —
не любите, не верите, не ждете.

А я живу, как горькая слеза,
для взгляда мир нелепо искажая.
На чьих ресницах суждено лежать
мне, нежная, задумчивая жалость?
Какой теперь участливый декабрь —
ни выюг, ни стужи, ни дождей, ни мора;
и жизнь моя угрюма и легка,
как зимнее обманчивое море.
О, добрый человек, смахни меня
из этой жизни способом случайным.
Как знаешь сам, — себе не изменяя,
ни полстрофы не уступив печали.
Мне рядом с вами в мире места нет.
Под серыми, скупыми небесами
к утру меня от вас укроет снег,
а эти строчки потускнеют сами.

Бабочка и смерть

Зачем на душу мясоросло?
Не голубем, не ангелом, конечно,
но бабочкой, нелепой и беспечной,
на некий свет ее таки несло.
Теперь, как из окна, смотрю из глаз.
Ветшает дом, и за дверями осень.
На голубом виске алеет проседь,

и небосклон проглатывает мгла.
С той стороны, кто шепчется во тьме?
Кому лампы звезд так ясно светят?
Она одна за всех за нас в ответе,
прекрасная, сияющая смерть.
Так вот, смотри, как в зеркале, среди черт,
печалями покрытых, словно пылью,
с забытым чувством расправляет крылья
не бабочка еще, уже не червь.

Плохие стихи

На смешных молоденьких хипстеров,
на наивных летних девчонок в парке Горького,
на нелепых, нескладных игроков в твистер,
на замерзших купальщиков, выходящих из моря,
на работяг и планктон из пригородов,
обреченно дремлющих в утренней электричке,
на студентов, прожигающих жизнь на игры,
на уездную, потасканную Беатриче,
на подвыпивших, заблудших ночных прохожих,
на всех нас, продрогших, кутающихся в закат.
Вот на кого плохие стихи похожи,
нелюбимые дети любимого языка.

В окно ползет луна,
за ней крадутся сны,
но где сейчас она
не спросишь у луны.
Любимая моя,
как маленькая точка
на сферах, оболочках,
на круге бытия.
Не заданы осями,
не пойманы судьбой,
мы разными стезями
расходимся с тобой.
Да, ты бываешь нежной.
Мы делим хлеб и кров,
но силой центробежной
нас разделяет вновь.
Наверно, я не в центре
твоей любви, а ты —
надеешься и видишь
свет не моей звезды.
Ну что ж, я позабочусь
о том в своих стихах,
чтоб ты меня любила
в них и вослед — в веках.

Листок

Листок, промокший, на моем окне —
ему, должно быть, очень одиноко,
но все-таки не более чем мне
смотреть устало сквозь решетки стекол

на серый город, землю в мягких лапах
дождей, туманов, сквозняков, степей.
Размеренно вдыхать холодный запах...
Бог мой, как тяжело стерпеть

здесь на земле, когда седое небо
волнуется, как осенью вода,
и тучи медленно ползут, и следом
за ними, кажется, опять идет беда.

Рождественское

Забудь о том, что ждет тебя в ночи,
в холодной полночи, в которой хоть кричи,
никто-никто не пошевелит пальцем,
присядь к огню рождественским страдальцем.

Идущий за звездой по замершей пустыне,
присядь к огню – пусть голова остынет
от ожидания будущего счастья.

Теперь все будет только лишь отчасти:
друг ждет предательства, враги – участия,
и даже в смерти кроется причастье...

Припомни мир, где было все вполне —
И в смерти – смерть, и истина – в вине.
Тот мир раздвоился, теперь всего вдвойне —
тебе надежды и печали мне.

Греясь у костра

Что в тихом голосе твоём?
Отвергнутая звуком вечность.
Как много в том, что мы умрем,
что страсть рождается в конечном.

Промчимся искрою живой
от огненных истоков наших —
горячей раной ножевой
сквозь ночь, – и мрак отбросим дальше.

Я расправляю над огнем
озябшие худые плечи
и не боюсь, что мы умрем,

ведь страсть рождается в конечном.

Летняя ночь

Походка быстрая легка.
Многооконные дома
с горящими очами
бегут, бегут издалека
июльскими ночами.

Огней стремительных не счесть,
неисследим их бег.
Наш мир, как есть, благая весть
в устах из века в век.

И потому спеши, спеши.
Чуть ночь, ко мне лети.
Пусть острокрылые стрижи
узнают все пути,

а нам узнать, зачем свеча
танцует в зеркалах,
зачем рука так горяча,
зачем огонь в глазах...

Лети!

Чуть ночь, ко мне спеши.
Мелькай, мелькай плечами.
Как радостно и сладко жить
июльскими ночами!

Ли Бо

По легенде китайский поэт Ли Бо утонул, пытаясь поймать отражение Луны в реке. Ду – это друг Ли Бо – тоже поэт – Ду Фу, а «ши» – это древняя форма китайской поэзии.

Сколь призрачна печаль.
Луна, и ночь светла.
В ней вычерчен причал
и лодка на волнах.
На берегу один,
покинут и забыт, —
старик:
свет от его седин
сгущается над ним.

Пруд черен и глубок.
И одиноко Ли Бо.
Как перст, как мир,
раздет, разбит и сир,
сидит,

и в берег бьет волна,
и плещется в пруду луна,
мерцает и горит...

Он вспоминает:
птицы,
птицы все и звери
из заповедной, ласковой тиши
слетались и сбегались,
все спешили
послушать
его радостные «ши».

Он вспоминает
женщин,
их черты,
что заповедал
древний график тушью,
и долго ли
от рук их до беды
и до сопротивления
их удушью.

Он вспоминает
друга
Ду,
беседки, пашни,
хижины и рощи...
Как холодно ему

сегодня ночью.

Как много раз
он попадал в беду.
Но старый практик
так давно постиг:
под северной холодной волной
так ласков и закончен будет миг
слияния
с сияющей луной.

Надежда

Мне было шестнадцать, я думал:
в двадцать я буду счастлив.
Надежда мне грела душу
в безденежье и ненастье.

И я не спал ночами:
учился, работал, делал
себе большое начало,
держал себя в черном теле.

Когда мне исполнилось двадцать,
я верил, что буду счастлив.
Я знал, что нельзя сдаваться,

даже вконец отчаясь.

Но странная эта погоня
на жизнь не была похожа.
Не было мне покоя,
и счастья не было тоже.

Как жаль, что не понял прежде,
взрослый и хмурый весь,
что лучше счастья – надежда,
точнее – оно и есть.

* * *

Взгляд превращается в иглу
с прохладным осторожным ядом,
все время устремляясь вглубь,
не замечая то, что рядом.

А мне бы пальцами – в золу —
чуть-чуть тепла, чуть-чуть уюта,
и, развалившись на полу,
сто лет не вылезать отсюда.

Вся жизнь – экспансия, а мне —
достаточно в своем пределе
следить, как в сердце и окне

свет остывает еле-еле...

* * *

Серебряная вьюга,
березовый туман.
В Рязани и Калуге
из пряников дома.

А небо там из ситца
и голубых цветов.
Под ним так сладко спится,
легко на нем – потом.

Не грустно и не страшно
под этим небом жить.
Пусть с каждым годом старше —
живи, люби, дыши.

Берег

Сойти на берег в осторожном плеске,
в податливом шуршании волны,
где поступью размеренной и веской

проносит небо тучи-валуны.

Не думать, не гадать, не волноваться,
не биться глупой бабочкой в стекло...
Так холодно – как будто хлопья ваты,
ты выдыхаешь на руки тепло.

На этот мир – он, как душа, заброшен,
как старый сад, отправленный на слом.
Не умирать, но становиться проще
и дальше жить, и жить смертям назло.

Врастать корнями в сизый берег тундры,
в песок пустынь и солончак степей,
чтоб каждое доверчивое утро
горячим шепотом заморозит теплей.

Теплей и проще на твоих предплечьях
свести ладони и, замедлив взгляд,
вдруг ощутить: как восковые свечи,
твои ладони нежностью горят.

* * *

Так зреют кисти в голубых прожилках,
и к ночи тяжелеет голова.

Не вспоминай, как мы с тобою жили.
Не прожили – мы ожили едва.

Повремени, мой ласковый садовник!
Помедли с урожаем – не срезай.
Так искренне я, словно пес бездомный,
заглядываю каждому в глаза.

Тускнеют окна в золотых отелях,
оливковые веки нежных дам...
Мне наплевать на вожделье тела,
на каждый взгляд, знакомый, как удар.

Разменная монетка, место с краю...
Не улететь, не спрятаться в глуши —
мне хочется остаться теплой раной
на заднем дворике твоей седой души.

* * *

Не знаю я, как душу сохранить,
в каких стихах ее от смерти спрятать.
Хотел бы я сказать, что «мы одни»,
но даже одного не вижу рядом.

В какой норе укрыть свою судьбу,

когда не вышло выпустить наружу?
Не потому, что страшно наяву,
но потому что явь сжигает душу.

Не хочется ни ласки, ни любви,
ни жалости, ни злости, ни покоя...
Но сохранять спокойный внешний вид,
становится все проще и законней.

Моей ласковой музе

Ты собираешь алый свет
по мрачным закоулкам тела.
Безумный милый соловей —
за хворостом среди метели.

Из губ – по ласковым рукам
вдруг оброну: как ты любима! —
и это будет не строка,
но слово, брошенное мимо.
Я вспыхну, как ночной пожар,
как клекот ранних колоколен.
И бесполезно уезжать,
и даже думать о покое!

Не убежать и не спастись,

не спрятаться от глаз лиловых.
Твой синий взгляд меня настиг,
как звонкое литое слово.

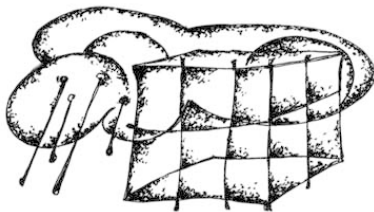
Ты собираешь алый свет
по темным закоулкам тела —
вей гнездышко под сердцем, вей,
без отдыха по злым неделям.

Пусть снова, милые, к весне
твои птенцы наружу рвутся
и открывают вены мне,
как клетки тоненькие прутья.

* * *

Мне хотелось что-то написать для тебя,
написать что-то красивое и умное
о любви, цветах или о жизни,
но потом я вспомнил,
что ты не любишь сложных стихов
о будущем или печальном прошлом,
о том, чего никто никогда не узнает наверняка,
стихов с переменным ритмом и надуманными рифмами.
и, наверное, правильно, потому что
такие стихи пишутся по глупости или от одиночества

а я знаю только то, что люблю тебя,
и мне тебя не хватает.

Антонина Литвинова

г. Красноярск

Окончила Юридический институт Московского городского педагогического университета и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (специальность – «Корпоративное управление»), проходила обучение в Академии классической фотографии (курс «основы фотографии», 1-й и 2-й ступени, курс «драматургия изображения»).

Из интервью с автором:

Пишу прозу, публиковалась в литературно-художественном журнале «Новая литература». Я верю, что литература развивает в людях способность к состраданию и искреннему сопереживанию, так литература выступает хранителем человечности. Я хочу, чтобы читатель чувствовал и проживал каждую строчку, чтобы образы становились жизнью, а переживания – мудростью.

© Литвинова А., 2017

О начале времен

Мне приснилось сегодня, что есть два времени. Подумать только: одно подгоняет другое. Первое вольное, живет, как хочет, меняя по желанию часы и минуты, а второе строгое и точное, любит хронологию, порядок. Сон, пробуждение, и опять закрыла глаза, закружилась, поиграла с первым, пока

второе не проникло в комнату с психоделическим мотивом старой песни Pink Floyd.

Бом! Бом! Тиканье часов, стрелка скользит по привычному кругу. Через один круг я выбегаю из дома к бесконечным ступенькам, дорожкам, тротуарам, турникетам и поездам.

Но день не должен начаться. Попроси Луга сковать и вычеркнуть его, не отнимая Света. Нужны лишь сумерки, прохлада и ветер, приносящий грозу. Свежесть, живительная сентиментальность, отзывчивость, участие, бокал терпкого красного вина.

Времени нет, особенно по вечерам, а мир неразрушим все же. Поплутай со мной вдоль реки, а потом окупись в голубизну журчащих вод, по траве поскачи босиком, одним прыжком промчись. А потом тихо благодари небо.

И сегодня, значит, детство.

Пятнадцать, нет, даже двадцать лет прошло уж. Я не ребенок.

Ребенок. Никто не знает, когда было начало времен, и время, наверное, миф.

Тоненькие ручки, маленькие башмачки, портфель, книжки с запахом шоколада, закладки, сделанные из фотопленки. Школьный хор, на третьей ступеньке стоит невысокого роста девочка в белой блузке и юбочке черного цвета. Обязательно: бант на голове и горячий суп на обед. Игра в лапту и пантомиму, резиночки и прятки.

Мальчик в свитере с крупной вязкой, синие штанишки,

темные вьющиеся волосы и ранец за спиной. Шахматы, самолетики, хоккей и волейбол. Урок ритмики – ты наступил мне на ногу, «не хочу танцевать с этой девчонкой».

Может, изменились декорации...

Кто-то покинул, оставив мне на пыльной полочке в углу черно-белую фотокарточку с красивым строгим лицом без улыбки. А теперь кто-то другой, храня в себе его черты, улыбается и смотрит большими черными глазами на рваные белые облака. Внутри поселился давно забытый и чуждый другим Бог.

Маленькие башмачки топают по узенькой дорожке, аккуратными шажками преодолевая путь домой. Счастье засыпать под шум дождя, выплыв из ванной и уютно устроившись под теплым одеялом. Я год не видела лучшую подругу. Телефонное сообщение: «Спи крепко, моя репка». Некому поцеловать перед сном.

Вырежи эту ночь и следующий день, оставь лишь уединенный вечер и рассвет. День слишком разумен, а ты говоришь невпопад, ночь слишком хрупка, а я слишком взволнована. Боже, даже ты не знаешь, когда было начало времен. Прошу, пусть будет два времени. Пусть солнце взойдет на западе.

В поисках Бога

Тебя опустошат, а потом ты уходишь, ищешь Бога. Не затем, чтобы найти успокоение, а для того, чтобы вернуть си-

лы. Разгладить все шероховатости, распрямить все неровности, округлить угловатости. Так мало надо для счастья. Только солнечный свет, шепот воды и дыхание ветра.

Что ты любишь? Красивое? Красивые руки, плечи, грудь, глаза, волосы волнами. Красота лишена смысла, бессодержательна. Искрящаяся бесполезность приятна взгляду. «Оставь хорошеньких женщин для мужчин без воображения».

Неприглядная пустота. Просить прощения за свою беспомощность, ненужность и убежать, не дожидаясь прощения. Не злись на меня.

Что тебя тревожит? Утомленные выцветшие глаза не видят и не замечают сонные неживые дома, отвыкли от зеленых узоров, причудливых орнаментов и сложных сочетаний, только летящие бело-прозрачные снежинки разрывают прочную оболочку. Кружащие мысли, пружинистый быстрый шаг. Ты говоришь, печальный человек красив. Задумчивость, размеренность, легкая грусть, немного смирения.

Ты скучаешь по родному городу? Другой город стал мне родным.

Белый пух застилает все, и во всех городах полупрозрачный снег, и во всех городах тонкий лед. Расстели мне кровать, встретить у многолюдного визгливого вокзала, а потомпусти в обволакивающую тишину. Не сердись на меня.

Уведи в комнату в конце коридора с темными шторами, большими окнами, путаными словами, чужими невидимы-

ми следами. Проследи за тем, как я смеюсь, плачу, а потом опять смеюсь, как я теряю и вновь обретаю Бога. Мой печально красивый мальчик. Знаешь, ребенку не тесно в мире из четырех стен и даже не страшно.

Господи, прошу тебя: только дай ему силы.

Богадельня

– У меня все в норме, избавьте меня, пожалуйста, от этой утомительной и раздражающей процедуры и себя от лишних хлопот.

– Это часть моей работы, и я все равно буду каждое утро измерять вам давление, несмотря на ваше брюзжание и недовольный вид. Садитесь, дайте мне руку.

– У вас у самой кровь застыла в жилах, у вас небось температура тела, как у рептилии.

– 140/80.

– А я вам о чем? Только тратите свое время.

– А вы свои нервы. Хорошего вам дня!

Экологическая зона в лесном массиве на берегу реки с разнообразным уникальным растительным миром создает своеобразный микроклимат, благоприятно влияющий на организм.

– На мой организм благоприятно влияет совершенно иное. А вы не желаете пополнить библиотеку? Для подобного заведения она слишком скудна, вам не кажется? Это един-

ственное, чем можно убить здесь время после обеда.

– К сожалению, новые книги поступят только осенью.

– А вы разве не гуляете? В лесу так хорошо по вечерам, свежий воздух, птички поют. Вечерние прогулки очень полезны для здоровья.

– Немного тяжелы для меня. Но попробую воспользоваться вашим советом.

– Ой, извините, я не заметила. Я не хотела...

– Ничего, ничего.

Ровная глухонемая жизнь по несменяемому распорядку с ежедневным врачебным осмотром и посещением столовой, с неизбежным приходом этого маленького цыпленка с всегдашними спутниками в виде тонометра и анальгина в руках, с беспрестанным послеобеденным храпом соседа, чтением рассыпающихся книг и обязательным просмотром информационных дезинформирующих программ.

– О, Петр Федорович, добрый день! Рада вас встретить.

– Да, давно не виделись, уже соскучились. Вроде не утро, а вы меня преследуете.

– Вы склонны все преувеличивать.

– Да ну. Что вы хотели-то?

– Я помню, что вы отказывались от всяких сопровождений при прогулках, но я подумала, может быть, я смогу...

– Нести меня на руках? Да, это будет отличный моцион.

– Организовать личный присмотр, скажем так.

– Я что, заключенный или трехлетний ребенок?

– Я могу вас сопровождать во время вечерних прогулок, если Вы не против.

– Разрешите поинтересоваться, вам девать себя некуда по вечерам? Вместо того чтобы радостно свалить из этого «Дома скорби», вы решаете гулять с ворчливым одноногим дедком.

– У меня сейчас появилось свободное время по вечерам.

– Правда, почему бы не провести его с пользой. Вы одинокая?

– Вы, по-моему, тоже.

– Я – старый и одинокий, а вы вот молодая и одинокая. Неизвестно, кому еще из нас повезло больше.

– Неважно, во всяком случае, что-то общее у нас все-таки есть.

– Ага, молодость и наивность – синонимы.

– Тогда до вечера.

– Лис, и что ты себе работу ищешь, ушла бы лучше пораньше домой, он же кряхтун еще тот.

– Ну и что, мне жаль его.

– А вот не надо людей-то жалеть. Зачем их унижать жалостью? Людям нужно уважение и чтобы к ним относились по-человечески, но никак не жалость.

– Интересно, как он стал инвалидом?

– Больше чем уверена, что его история, как и большинства, таких же, как он, совсем неинтересная и банальная. Са-

харный диабет либо обморожение.

– Так почему ты осталась работать в этой богадельне?

– Допустим, это не богадельня, а дом для престарелых.

– Один хрен.

– Когда появится какой-то опыт работы, наверное, меня здесь не будет, а пока так... скучновато, не всегда приятно, но терпимо.

– А я не понимаю, почему я не могу прожить, а не протерпеть остаток своих дней. Почему меня списали, как испорченный товар, выбросили, как ненужный хлам? Я мешал им, доставлял много хлопот, денежных трат, был обузой, не приносящей уже никакой пользы? Я кормил их и утирал им сопли, когда они были беспомощными. А они? Решили, что здесь мне будет лучше, спокойнее. Конечно, нет никого хуже родственников.

– А они приезжают навестить вас?

– Один раз за два месяца на полчаса. Дочь. Уж не знаешь, дочь ли. Я злой, жесткий, язвительный – да, но я не эгоист. Я могу ранить словом, но делом никогда. Я не люблю своего зятя, и есть за что. Что мне притворяться, что он обожаем и почитаем мной? Притворяться – все равно что лгать. А буддистам вдвойне тяжело: им нельзя ни лгать, ни думать о других плохо, все грех. Из-за него я уже год обнимаюсь с костылем.

– Как из-за него?

– Вот так. Он у нас великолепный врач, мастер своего дела.

– Он – хирург?

– Нет, он диагност.

Память

Все банальнее, чем ты можешь предположить. Меня хотели назвать, но не назвали Алисой. И чудес не бывает. Только убывает число отмеренных мне и тебе лет.

Расплываются чернила на листе старой бумаги и становятся большой кляксой. Пожелтевшие страницы, красочный гербарий, засушенный в детских книгах, в детских снах и мечтах о взрослой жизни. Иссохшие морщинистые руки будут листать календарь, и вспомнить не о чем почти.

Как хочется в дождь сесть у окна и успокоить ветер, бормоча невнятно волшебные слова на санскрите. Молитвы. Мне жаль тебя до слез. Все будет так, как мы запишем себе в тетрадь, в блокнот.

Вечереет, я наблюдаю за тем, как из шума рождается тишина. Среди подушек и одеял слез никогда не будет видно. Спокойно играет музыка без слов. Так нежно я опять рисую тебя без кисточки и акварели, легкими штрихами фраз, оплетая паутиной букв. И жду, когда же зацветут вишни и упадут небеса, омыв сады сладкой водой.

Дождь пройдет. И мы будем гулять по ночному городу,

совсем отвыкшему от сна, по мерцающему бульвару, а потом по парку, дышащему легендой о любви Лейли и Мейджуна, и, стоя у каменной беседки, ловить мудрый взгляд Низами Гянджеви.

А позже ты уйдешь в зазеркалье, безмолвно с какими-то другими людьми. Может быть, вернешься, когда не знаешь.

Ты изредка будешь навещать меня, потом опять уходить. Я жду по привычке. Ты всегда осуждал меня за это, как и все: «Нужно не ждать, а действовать и жить».

Люди ожидают через два года конца света, а я не понимаю, чему должен прийти конец, глупо, но я никогда не видела ни света, ни тьмы.

Представляешь, я сказала об этом старику у храма Святого Клементия (наверное, ты еще помнишь его), а он озадаченно посмотрел на меня и ответил: «Конец света означает, что не будет вас».

Такого же не бывает, ты вот ушел, но все равно не перестал существовать, так же будет и со мной.

И не будет ни гула, ни тишины?

Ничего и никого не будет.

И Бога не будет?

Бог всегда будет. Но он превратится в ничто.

В ничто? В безличное, в неживое, в отрицание всего.

В нашем доме накопилось много пыли, непригодных, ненужных, но неприкасаемых вещей: музыкальный кассет-

ный проигрыватель – у меня нет для него кассет, твои поношенные рубашки, выглаженные, сложенные ровной стопкой в платяной шкаф, – их никто больше не наденет, икона Андрея Первозванного – у нас с тобою разные боги, гостевые тапочки – этот дом уже давно не видит гостей.

«Ничто становится «ничто» – донесется твой мягкий голос, едва касающийся моего слуха.

Я возьму твои книги, тексты которых заучены мной наизусть, и буду перечитывать их в темноте с закрытыми глазами.

«Все вещи происходят из естественных законов. Многие тысячи лет назад люди уже складывали свою гармонию и качества. И они приходят опять еще учиться, от всяких проявлений».

У меня нет ничего, но мне ничего не нужно, я не жду.

Крошки

Растопить в весенних лужах кусочки счастья и надежды, под дождевыми каплями размягчиться и остыть, вымокнув до ниточки. Крошечки. Маленькие ручки тянутся ко мне, беспомощные, детские. И главное сейчас – успокоить и успокоиться. А дальше будь что будет.

Ты кричишь и прячешься от посторонних взглядов, в светлой комнате, в кроватке, как когда-то в утробе матери. Сжимаешь крепко кулачки, приникаешь к родной груди, а потом засыпаешь у меня на руках.

Ты очень серьезен. Ну же, улыбнись! У тебя впереди целая жизнь, знаешь ли ты об этом? Ты подрастешь вскоре и уже не вспомнишь, как ты явился сюда, что было до и что будет после, как тебя ждали, звали, целовали, веселили и шептали лучшие слова на свете. Тебя обратят в незнакомую тебе дотоле веру, ты будешь верить всем: родителям, дедам и сестрам, любим прохожим; во все: в невидимое, неосязаемое, непознаваемое, неслышимое, существующее за пределами сознания и твоего понимания. Ходить в церковь и ставить свечи за здоровье, за упокой и учиться смирению. Потом выбегать из церкви, считать звезды и мечтать.

И когда ты сама смирилась?

К двадцатилетию, наверное. Я отдала мечты снам, любовь – детям, дороги – путникам, дом – отшельникам, свечи – священникам.

И что же осталось у тебя?

Круговорот.

Жалеть себя – занятие недостойное, сколько в вас неразумности.

Вы, наверное, по воде ходите.

Нет? Как удивительно.

Я думала, вы боги.

Вы такое говорите, что сердце содрогается.

Вы знаете так много: и что такое хорошо и что такое плохо, и сколько заповедей у Христа, и смертных грехов сколько и что ждет всех нас впереди.

А дети живут в мире обещаний и полуслов.

Я – мать.

Но я не знаю, как объяснить, что было подарено тебе. И как сказать тебе, что ты, мой малыш, знаешь о жизни больше меня, твоей матери?

Помнишь ли ты?

*...Все – повторяю – безглагольное
Пространство жизни: место дальнее.
– Мне хорошо. Но ты, мой свет,
В себе ли тут? – И да, и нет.*

Татьяна Бек

Посвящается Зинаиде Лопатиной

Я порву все до последнего листочка. Бумага хранит воспоминания и даже прикосновения, отпечатки пальцев, твоих и моих.

Ты сожжешь ежедневники и мятые тетрадки, вольный огонь разъест строчки верлибров, стихи превратятся в золу. Я буду танцевать на ней, а меня ведь тоже сожгут, пусть поз-

же.

Всю жизнь я посыпала Будду пеплом, простят ли мне?

Я буду целовать тебя, шептать «Прости», боясь причинить вред присутствием, жизнью, случайностью, неосторожностью, своей неосмотрительностью.

Помнишь ли ты?

Я не могу вспомнить, что было в прошлом, что было вчера.

Была ли я?

Ты говоришь, я всегда убегала ото всех и отовсюду.

А я помню только сны, солнце на закате, огненный шар, укрывающий все страхи.

Как нелегко быть легкой и беспечной, прости.

Я чувствую лишь собственную цельность от бесцельного существования, бесконечного хождения по прямым линиям.

Как непросто найти себе применение. А может ли быть у человека назначение?

Ты уже не помнишь, что значит дышать и видеть, я скукаю по тебе, твое назначение – создавать, хранить и дарить красоту.

Я устала от снов и пробуждений, это так похоже на сансару, прости.

Ты говорила, я не знала трепета, но сегодня я дрожу.

«Не причини вреда».

Так страшно уколоть и сбить, ужалить, укусить, напасть нечаянно, предательски забыть, не чувствовать ни жалости,

ни боли.

Побудь со мной еще немного, поговори, понаблюдай за мной, не плачь и не жалея, коснись меня небрежно и проводи в затерянный далекий край, где гора Кайлас, холмы неземные и реки, подними на высоту, от которой разрываются легкие и кружится голова.

Крылатое время быстротечно, мгновения сменяют друг друга, проходят годы, бесшумно, но очень спешно. Похоже Бог – художник-импрессионист, с холстом, фантазией безгранной и с красками в руках. Он нас малюет, создает, а мы ворчим и прячемся стыдливо.

Задерни шторы, давай заварим крепкий чай, включим музыку, послушаем сюиты, ни слова, дальше – тишина.

Давай не будем вспоминать, что было, историй прежних, пыльных, старых, я помню только сны.

Давай не будем думать, что ждет нас завтра.

О времени забыть бы, оно и так крылато.

Сахарное сегодня пахнет стариной

Жизнь болезненна. Каждое мое движение – ошибка, каждое мое слово – ошибка. И за каждую из этих ошибок приходится дорого платить... Будущее у нас похоже на какую-то бескрайнюю бессонницу, а человек на улитку, его слизистое прошлое тянется за ним, как призрачный след, а будущее ему приходится взваливать

*себе на плечи, как домик, в который он, скрючившись,
забирается каждый вечер, чтобы переночевать.*

М. Павич

Сахарное сегодня пахнет стариной.

Солнечные блики на старых простынях, подушках с вышивкой в цветах.

Старые ежедневники и книжки записные – чтобы помнить, какими были разные города, люди и чужие слова.

Множество оттенков, нюансов и тональностей.

Память моя, как старый чердак с залежавшимися пыльными вещами, найдешь, что хочешь.

Зеркала, капли воды, водоскат, чайные розы.

Кондитерская «Золотой колос», пирожные буше.

Распятие и рябина, старые поверья.

Душа весит двадцать один грамм.

Куда ночь, туда и сон, а он ведь сбудется, однако.

Кусочек солнца – сердолик. И запах лета, моря и песка.

Камни с дырочкой на счастье. Давай, загадывай желание!

Стихи, амфибрахии и ябмы, верлибры, палиндромы.

Пустые дни...

Скрипят сухие стены. Мы не одни,

А дни обыкновенны.

Таро, двенадцатый аркан.

Нет правды в ожидании.

Свечи, мантры, четки аметистовые, деревянные, стеклянные.

Научись жить в мрачном российском королевстве.

Храни улыбку – хорони мечты.

«Задача главная – счастливым быть и избегать страданий».

Добавить нужно в рацион шалфея больше, базилика.

Заваривать лавандовый чай.

Пей вино – кровь Христа, он любит и хранит тебя.

Словно вспомнила прошлую жизнь, тридцатые годы.

Моя память – старый чердак.

Веретено насилия. Пороки времени. Театр жестокости.

Несчастный Арто.

Говорим только шепотом.

Я все реже и тише смеюсь.

Покрасим стены сухие в оранжевый цвет. Шум дождя успокоит.

Успокоит и уймет ненасытность, желания.

Побольше сахара в чай добавим.

Больше шоколада горького – рецепт от горечи.

Главное – пей вино и помни меня в тридцатые годы, тихо охраняю тебя.

Я...

оберег

твоего счастья.

Д. Ф.

Длинные паузы между фразами. Говорить лучше о ниче-го не значащем, повседневном, бытовом. Смысл – заполнить тишину. А я ее люблю, с ней спокойно, так гладко и ровно, совершенно беззаботно. В шуме разрушения больше, и я предпочитаю молчать.

– Ты любишь одиночество?

– Да, оно мне по душе, я хочу быть один.

Но ты не одинок, и никогда не будешь один, ты будешь принимать и отвергать людей, любить, дышать едким воздухом, пропитанным запахом богемы, в тесной комнате перелистывать страницы недавно изданных книг своих новых и совсем давних друзей. Но не ОМ.

Истощенность во всем, что тебя окружает. Ты не готов забыть и растоптать ровно настолько же, насколько не готов создать и породить. Зброшенность, и почти бессилие, горечь, но не опустошенность – что гораздо важнее. Отсутствие поворота сюжета, полное, абсолютное, я даже не ухожу, а тихо, почти беззвучно, легко, но немного робко исчезаю, спрятавшись под вуалью смирения. Здесь, вдоль бульвара проплывают лица: незнакомые и безучастные, и я пытливо всматриваюсь в быстро меняющиеся, но однообразные картинки за окном. Все так же беспечна, ведь абстрактна, ритмичным шагом прохожу мимо дома Герцена, стараясь быть незамет-

ной. Мне не была дана жизнь, как другим, мне позволили только наблюдать за происходящим, с любопытством озираясь по сторонам и удивляясь, как ты можешь жить и общаться со мной, неживой.

И вот теплые, нежно-живые губы едва касаются моего лба. Это непривычное ощущение теплоты и с ней же отдаленности, погружающее в дремоту. Я растворяюсь в тебе. Ты знаешь, я обожаю танцевать, но ты никогда не видел, как я танцую. Ты никогда не чувствовал меня, из-за того, пожалуй, что меня никогда не существовало.

– Я не понимаю, где ты. Тебя же нет, ты растворяешься во всем, что тебя окружает, но тебя как таковой нет.

– Да, меня просто не существует.

– Это ненормально.

– Так было всегда и так будет, я ничего не могу с этим поделать.

– У тебя нет друзей. Где они? Не видел ни одного.

– Я тоже давно их не видела. Может, их уже и нет.

В темноте я слышу твою боль, индевет все тело. Ты никогда не поймешь, как мертвец способен познать живое. Я пытаюсь говорить с тобой, чтобы ты не забыл о том, что можешь коснуться не имеющего бытия, но я и мое отсутствие тебя равно утомляют.

– Ты веришь, что может существовать круглый квадрат?

– Извини, я не могу сейчас говорить.

Махровый халат, влажные волосы, длинные тонкие паль-

цы, медленно перебирающие сто восемь аметистовых бусинок...

И вот тебе чудится волнующий бархатный шепот, шелковое покрывало и синее-синее небо.

Ритуал

Перед самым уходом монаха Нинакавы из этого мира его навестил мастер дзэн Иккю.

– Можно мне напутствовать тебя? – спросил он.

– Я пришел сюда один, – ответил Нинакава, – один и уйду. Чем можешь ты мне помочь?

– Если ты считаешь, что ты и в самом деле пришел и уйдешь, то ты заблуждаешься, – ответил Иккю. – Позволь мне показать тебе путь, в котором нет прихода и ухода.

Эти слова Иккю так ясно открыли Нинакаве путь, что он улыбнулся и ушел.

Буддийская притча

Я смеюсь, забавляюсь нашей наготой. Меня крепко сжимают дрожащими руками, притягивая к себе. Въедаются, не оставляя воздуха и пространства. Теплота перебегает из одного тела в другое. Губы со сладким привкусом блуждают по твоей шее. Ты шепчешь что-то невнятное и просишь говорить с тобой. Сахарное послевкусие.

Я смеюсь: через час ты будешь спешно собираться на ра-

боту, а я спокойно сидеть и читать о лизгольде и *pur autre vie*.

Я смеюсь над попыткой, отдалившись, стать ближе и родней. Медленно пью крепкий пробуждающий кофе, наслаждаясь дурманящим, чуть резковатым ароматом корицы.

Силуюсь уйти и не могу. Я смеюсь: как много для нас значат минуты.

Ты сонный и взъерошенный, несобранный, ужасно неловкий, тяжело дышишь, пытаюсь найти свои очки. Мне смешно: я потешный робкий ребенок, жутко настырный, но трогательно нежный, бережно складываю разбросанные вещи в совсем не тот ящик.

Я чувствую от своей одежды твой запах, кажущийся совершенно чужим. Ты гладишь длинные каштановые волосы, я бросаю в тебя подушки, и эта игра походит на бессмысленный ритуал.

Я смеюсь, смех разливается по комнатам, доносится до соседей и возвращается эхом, разлетающимся смешинками по всем уголкам. Простыня в крапинку, блеклый свет, два чудачка по субботам утром теряются в неярких красках на твоём диване. Легкие стихи, глоток свежести, напоследок обними меня, проведи рукой по смуглой, уже остывшей коже.

Через неделю с тобой буду смеяться уже не я, а та, которую ты всегда ждал.

Я повторяю мантры. Улыбаюсь, чтобы не расплескать накопившуюся обиду.

Я так боялась выглядеть смешной. Я не привыкла лгать.

Я любила тебя по буддийской привычке обращать нелепость в молитву.

Желание работать

В руках твоих что теперь? Что у тебя осталось? Скоро прекратятся дожди и начнут сыпаться мелкие белые перышки, я пройдуь без перчаток, буду потирать ладони.

Как странно, вроде ничего у тебя не было, почему тогда страшно и унижительно терять антураж? Обидно, задели за живое. Из-за того, что скрыли, лицемерили? Пыль в глаза – от нее слезы, сухой кашель, аллергия, скорее всего.

Мысли вслух, непутевые заметки: Бог учит, прощает ошибки, люди не прощают ошибок, прогоняют. Бог возвращает, перестраивает, перемещает, меняет, наверное, он очень мудр и терпелив.

– Идти или не идти?

– Иди, не отказывайся. Почувствуй себя мясом на рынке, все тебя рассматривают, трогают, щупают, оценивают. Через пару дней появится ощущение, будто ты товар, неприятное это занятие. Но ничего, ты не расстраивайся. Не обращай внимания на резкие слова и личные вопросы.

– Я не привязана к словам, мне все равно.

– Все ищут что-то определенное, это как пазл, немного не

тот контур и уже не подошел, картинки не выйдет.

– Да, возможно, я недостаточно угловата.

– И если это твое, то само тебя найдет. Трудно объяснить, как это происходит, но со временем сама поймешь.

– Завтра день рождения у Родиона, надо определиться, что будем дарить?

– Главное, чтобы не было, как в прошлом году: Родион попросил гантели, а ему подарили бутылку.

– Оказывается, учебная пожарная тревога проводилась, в 13.30. При нормативе в 12 минут здание было покинуто сотрудниками за 8 минут 30 секунд.

– Из сотрудников участвовали в мероприятии все, кто бережет фигуру, и наша золотая рыбка.

– Бедный Майнекс, я думаю, почему воды так мало в аквариуме?..

– Может, тебе заняться чем-то другим? Со мной вот училась девушка, отличницей была, встретил ее недавно – так она океанолог.

– Я не люблю возвращаться, я не привыкла пятиться.

– Ну и зря, иногда полезно. Нужно заниматься тем, что тебе интересно.

– Мне интересно все, что неоднозначно. Зачем задавать вопрос: «Были ли с вами несчастные случаи, если да, то какие?»

– Это чтобы отвечали: «Да, при рождении».

– Очень смешно. Это что, конкурс на самые нелепые вопросы и ответы?

– Хочешь поучаствовать? Бывают также конкурсы на самые нелепые объявления и резюме. Например, «Свободна должность любимого сотрудника компании. Требования: Хороший человек». Ответ должен быть не менее ярким: «Трудолюбив, не дурак».

– «Медленно ли вы едите?»

– Ну, медленнее тебя едят только ленивцы и пенсионеры, потерявшие зубные протезы. Что еще?

– «Чем вызвано ваше желание работать?»

– Пиши – желанием жить. Дальше, наверное, идет вопрос: «Чем вызвано ваше желание жить?». Отвечай не задумываясь: желанием работать.

– Знаешь, а мне не жаль потерянной работы.

– О, это уже лучше.

– Единственное – я быстро привыкаю к людям, я буду скучать. Можно я буду звонить?

– Звони, только не с глупыми анкетными вопросами.

– Да, вопрос последний остался: «Какой вклад вы внесли в трудовой коллектив?» И мне нечего ответить. Похоже никакой.

– И я никакой, и другие твои коллеги тоже. Но нужно ответить, придумай что-нибудь, что-нибудь про хорошие отношения, дружественную атмосферу, работу в команде. Это

ужасно нравится отделу персонала.

Маленькое приключение

Мои небрежные шаги и движения, полупрозрачные, тесные, нетерпеливые. Рывок призрака в незнакомый город. В ровно назначенный час, в обусловленном месте вы найдете меня. Бегу.

Час от часу не легче, жаль, что некому смеяться. Отправление поезда через пятнадцать минут, звонки на платформе, нервное ожидание, напряжение, зоркая настороженность – переживания, которые позже будут казаться шелухой.

Комедия – удивительный жанр, в нем столько легкого веселья, игривой шутки и забавы, иронии, искрящейся импровизации, свободы, несерьезности, неразумия и колкого трагизма, мне смешно и грустно, все получилось невпопад, не к месту.

– Билет. Куда делся билет? Выронила. Точно выронила. Ой, боже мой. Или дома забыла. А может быть, там, где картина...

– Распакуем картину. Спросим у домашних, нет ли билета дома, может, кто-нибудь подвезет.

– Да, да.

Кнопки телефонов жмутся с устрашающей скоростью, со сдавленным волнением, притупленным чувством страха,

скромной надеждой на везение и удачу. Бессодержательные гудки. Хочется чертыхаться и не только.

– Нет, нет никаких билетов, обронила по дороге. Нужно было тебе сразу забрать их у меня, ты же видела, в какой суматохе я собиралась.

Я потеряна и сконфужена. Более того, напугана.

– В прихожей, пусть посмотрят в прихожей, если остался дома, то только там.

– Да. Есть. Еду на Курский вокзал.

– Поспеш.

Мне говорят: «Ну ничего, учтешь на будущее – хранить билеты у себя. В крайнем случае, доберешься одна, я приеду позже».

И вот на меня зазывающе глядит произведение живописи с особым эстетическим значением совершенно чудовищных размеров. Я не отвечаю ему взаимностью и пугливо озираюсь, но в последнюю минуту перед отбытием поезда от безысходности хватаю в руки монстра в образе картины-двери, сумку с книгами и запрыгиваю в вагон.

Поезд трогается, мерно начинают стучать колеса, у окон замелькали, а потом унеслись вдаль лица провожающих, до меня эхом долетают слова: «Тебя встретят, не волнуйся!»

Не сумев найтись и обрести себя, придерживая огромный сверток, я все еще стою в дверях, привлекая всеобщее внимание и, видимо, вызывая некое оживление среди пассажиров.

Чрезвычайно учтивый мужчина забирает из моих рук картину-дверь и проносит ее к моему месту, раздается звонок: «Я приехала, с билетом, где вы?»

Поздно, поезд уже отъехал пять минут назад, еду в НН одна.

Рыжеволосая дама на соседнем кресле шустро заводит со мной беседу, уводя в прошлое неожиданно-неприятный казус.

– Девушка, вы, наверное, на выставку какую-то едете с таким-то планшетом?

– Да нет, не совсем.

– А на платформе с вами была мама?

– Нет, мой начальник.

Хоть на недолгое время забыть свою причастность к чему бы то ни было: к дому, городу, работе, делам, пустяковым тратам. Сладко-ветреные ощущения, бездумные поступки. Приятно сидеть и ожидать чего-то в поездах дальнего следования, бегущих по неизвестной тебе дороге.

А небо одно над всеми городами, накрыло куполом, обернуло туманом, соединило радугой и разделило дождем шутливо устроенную жизнь. Как больно и смешно смотреть на собственную тень или отражение, следы на снегу или земле.

Купола храмов еле удерживают тяжесть возвышающихся крестов. Домики похожи на сказочные терема, сохраняющие почти утраченные самобытность и неповторимость окружающих нас предметов.

Мосты, реки, берега, хрустальный лед. С высоты птичьего полета мир выглядит игрушечным, чудным и хрупким необыкновенно.

Как радостно быстро забывать обиды и дышать полной грудью, улыбаясь изящным бронзовым изваяниям.

Я захожу во французскую кондитерскую с запахом горячего шоколада и миндаля, со светлым зеркальным холлом, в котором появляется множество никем не узанных меня.

Я плачу, влюбляясь в древний город, хорошо, что уеду скоро, иначе разлюблю потом.

Что грешно, то и потешно.

Прости меня.

Прости мне мое желание свободы и неприкаянность прости.

Анастасия Стрельцова

Испания, г. Аликанте

Родилась в Москве. По образованию учитель начальных классов, экономист-бухгалтер. Работает «Консультантом по работе 1С программы и организации делопроизводства» в системе фриланс.

Из интервью с автором:

Трое детей, замужем... Пишу короткие рассказы о простых вещах. Интересуюсь всем, что есть вокруг и внутри меня. После сильной болезни живу каждый день, как последний, поэтому получаю удовольствие от каждой минуты и секунды, – обожаю читать, театр, мотоциклы, вязать, вышивать, валяться на траве с бутербродом, идти долго в горах и упасть в ледяную горную реку, узнавать новых людей, рассматривать звезды в телескоп, смотреть хорошее кино с любимым, дышать холодным воздухом, обнимашки, крепкий сон, раннее пробуждение, мимолетную улыбку прохожего, поливать цветы, дружеское молчание и беседы до утра и, конечно, когда ничего не болит.

© Стрельцова А., 2017

Тореадор, верящий в Вальгаллу...

Глядя на то, как выползают огромные виноградные улитки после дождя, в пустыне, где по полгода сухо и светло, ты

удивляешься в принципе наличию улиток в твоём городе. Они медленно облепляют стены и бордюры, не спеша пересекают тротуары. Ты смотришь на них, ты не веришь в них. Потому что непонятно, как в пустыне такое возможно. В связи с этими размышлениями я все больше склоняюсь к тому, что есть жизнь на Марсе, только нам ее не увидеть простым человеческим глазом... Мысли, как выясняется из всяких новых модных учений, материальны и обладают всеми качествами отдельно существующих субстанций. Собственным сознанием и интеллектом. То есть существуешь ты – а отдельно существуют твои мысли, и это не всегда дружественный конгломерат, порою это даже противостояние, а порой и не на жизнь, а на смерть...

Со временем я поняла одну простую вещь: человеку не важно, какими способами он работает над собой. Главное научиться договариваться с мыслями и иногда отпускать их погулять. И если для чистоты разума потребуется жевать только сырые морковки, то это сработает у того, кто в это верит. А у другого сработает протеиновый коктейль с закисью азота и двухчасовой крепкий жим. Кому-то нужны более действенные способы. Я молюсь, но не настаиваю, чтобы это делали все вокруг меня. Я буддистов люблю и мусульман и иудеев, а саму в семь лет окрестили христианкой. И батюшка так строго посмотрел мне в глаза и сказал: любую веру потом примешь, твое дело, а перед Богом предстанешь христианкой. Поверила...

Но вывод такой: кто во что верит, тот в то и умрет...

Я дарю эту историю Лене Сахаровой, потому что она не хочет сказку, и еще она говорит, что, говоря про других, у меня не очень получается... а про саму себя хорошо. А я знаю почему, потому что я не боюсь выглядеть глупой или пустой или еще какой, я пишу как есть...

Когда-то я попробовала уехать в Испанию. Не было интернета, только телефон-автомат на улице. И я балдела от того, что, звоня домой, слышала, как соседский кот лоток роет. Такая связь замечательная.

Я скромно жила в крошечной мансарде частного домика в Альбуферете. Сейчас там отель. А на работу ездила в только строящуюся Торревьеху. Моя семья хотела попробовать переехать, но реальные шаги по интеграции и изучению испанского делала только я.

Как-то я опоздала на автобус, который ходит от вокзала до Альбуфереты, и решила пройтись пешком. На мне было белое длинное платье из марлевки, парусиновые лодочки и крошечная сумка с мелочами. Небо – синь, горы – блеск, море подмигивает бриллиантами. Иду, никого не трогаю. И вдруг – так действительно бывает – посреди ясного неба дождь как из ведра. Марлевка сразу скапризничала и исчезла, трусы за ней промокли и решили, что они одежда человека-невидимки, картонная подошва лодочек долой. «День моего позора» – хочется назвать мой рассказ...

Машины гудели, как будто свадьба короля, и хоть бы кто

предложил подвезти, некоторые особо горячие мачо высовались по пояс и свистели заправским скоморошьям свистом. И докажи мне потом, что мужики разных стран разные, – ни хрена не разные – все борщ едят.

Неожиданно на противоположной стороне дороги остановился длиннющий лимузин. И из него вышел человек. Человек как человек. Высокий, очень худой, глаза огромные. Горят, ну это здесь сплошь и рядом. И накрывает пледом. А я окромя «gracias» ничего пока по-испански особо и выдать не могла. Стою только икаю, потому что замерзла.

Показываю пантомимой: дескать, как тряпочку-то вернуть? Головой покачал: не надо, дорогая, бери себе, не жалко. Взглянул так с тоской еще разок на обнаженку в разрезе пледа и пошагал к своему лимузину.

Доковыляла я до чердачка своего и заболела. Трясусь, температуру. Хозяйка кладовки с испанским названием «апартаменты» перепугалась, сок мне жмет апельсиновый, в комнату заглядывает. «Madre mía» каждые пять минут восклицает.

Тут звонок в дверь. Побежала она вниз, а потом обратно в комнату wpłyвает и глаза навывкате, а за ней человек в костюме темном и галстукe, в черных очках. Я тогда еще не думала сценарий про мен ен блэк в Голливуд посылать, но о черных воронках трoшечки разумела... Все думаю. Чего-то нарушила, сейчас поведут. А он роз красных 120 штук около диванчика положил. Минералки и пачку антибиотиков.

Привет, говорит, вам от Хулио и ушел.

Я, конечно, прифигела от такого поворота. Но таблетку проглотила и к вечеру немного в себя пришла. И ни ответа, ни привета. А потом мне в Россию нужно было вернуться.

Через полгода прилетаю: а там пачка писем для меня у хозяйки лежит. Хулио на чувства изошел весь. Сгораю, говорит, заживо, снишься мне, где тебя, твою мать, носит, негодная.

Я-то точно помнила уже тогда, что у бурных чувств неистовый конец. Поэтому даже испугалась такого напора.

Но ладно, думаю, позвоню. Звоню, а что сказать не знаю. «Ола, – говорю. – Это я».

А там звук такой странный в телефоне. Стою, жду, песеты в автомат подкидываю. Тут женский голос говорит:

– Простите, дескать, пожалуйста, сестра я его.

– А он где сам?

– Ло съенто – ло съенто в обморок упал.

Я после замеса начала 90-х на припадошных совсем не западала. Но жалко человека, а потом меня так страстно еще никто не обожал. Хотя мы в училище психологию изучали, и по всем признакам выходило, что с этим вектором нахлебешься взлетов и падений.

Ну, потом все прояснилось и мы умудрились встретиться. И смотрели друг другу в глаза. А я со страха обмирала, потому что непонятно ничего. Сдуру я ему попыталась с помощью переводчика рассказать немного о северных традици-

ях, и очень его заинтересовал переход воинов, погибших в сражениях в Вальгаллу. И на полном серьезе интересовался, берут ли туда испанских подданных.

А потом он так скромно пригласил меня на свое выступление. Только, говорит, это в другом городе будет. Но я машину пришло, не волнуйся. Я как обычно паспорт во дворе в железной банке из-под сардин закопала, чтоб если что, — то в рабство продали без документов. Но поехала.

Да. Вот сейчас хвастаюсь. Сидела в королевской ложе. Театр странный такой. Не то цирк, не то еще что. А когда быка вывели... стало понятно, что это коррида.

И не укладывалось у меня в голове, как такой тонкий романтик и вобморочупадатель вот так запросто в быка живо-го копыями тыкает.

Но красиво выступал, пока не получил рогом в причинное место... а все закричали и заполошились, я побежала к скорой. Но там спросили, кто я, а я никто, просто амига... А я потом на трех автобусах домой добиралась и на следующий день в Россию вернулась. И больше не знаю ничего о Хулио и даже в интернете не стала смотреть, когда интернет появился.

Но если честно сказать, то это очень сильное чувство, когда на тебя смотрят и ты чувствуешь, как загорается место прикосновения взгляда...

И это воспоминание сидело глубоко внутри меня, как виноградная улитка. А сейчас начала писать, и выползла она на

свет божий и не запихать ее уже обратно, так что да простит меня любимый, приходится рассказывать.

А где живет, или уже нет, тореадор, который верит в Вальгаллу... я не знаю...

El sujetador

Я верю в чудеса. Они случаются взаправду. Есть тому доказательства.

Я помню, что наступил такой день в моей жизни, когда мы с мамой признали тот факт, что я выросла. И я к великой радости, а мама с тихой грустью решили, что пора покупать... лифчик.

У нас были небольшие каникулы в Ленинграде. Я задыхалась от восторга. От Исаакия, от Невы. От чая в «Авроре» из фарфоровых чашек с синим рисунком и золотой каймой. От полуподвальных магазинчиков с носками и теми самыми лифчиками. От Финского залива, от свинцового неба. Такого высокого и вовсе не тяжелого, хоть и 100 оттенков серого. Кстати, в Испании бюстгальтер – сухетодор. Я как слышу: сразу ржать начинаю))) И мне тотчас же напоминают: О. Ясно. Ты – русская)))

Я отвлеклась. Каникулы подходили к концу. Утром я с грустью смотрела в окно. За окном был Смольный. И я посетовала, что у девиц-то смольных эти самые бюстики-то были... А я вот выросла... а у меня нет.

И мама, посчитав бюджет, сказала: Идем. В Пассаж. Выделяю

2 р. 50 коп.

И я собралась быстрее, чем горит спичка, и уже неслась вниз, а мама ждала лифт. И мы пошли в огромный многоэтажный магазин.

И я прилипла к витрине. Потому что это была взрослая и такая невероятная покупка. И что скажет Маринка, а Катька? Катька наверняка заставит снять и будет крутить в руках и комментировать. Но сейчас, сейчас очень важно выбрать.

Так. Что? Какой? Понятно, размер пока нулевой. Цвет? Черный. Гляжу на маму. Мама улыбается. Черный – не маркий. Хороший.

О, выбрала. Такой шикарный, чуть поролона внизу с кружевом. Лямочки атласные, изящные. Восторг. Вещизм во всей красе... 4 р. 50...

– Насть, прости. Давай другой.

Просто атласный. Ну, другой формы... Кружево может и натирать вообще-то... лямки по ширине, как у бабули... Хороший.

– Ладно.

Потом как-нибудь. Идем в кассу, пробиваем.

Я какая-то грустная. Отдаю чек. Продавщица так странно на меня посмотрела. Завернула. Отдала сверток.

В номере мама спросила:

– Примеришь?

– Нет, дома. В Москве.

В поезде думала, что зря деньги у мамы взяла, лучше б книг купили... Уснула под стук колес... Московский – Ленинградский, увижу ли вас снова когда-нибудь? Вы части моего сердца, без которых не буду целой никогда...

Дома разворачиваю сверток, а там этот. С кружевом. Офигенный. Маринка аж вскрикнула, увидев. ТОТ САМЫЙ.

Самый лучший. Самый первый мой сухетодор.

Австралия

Когда-то давно я сидела на станции «Маяковская» московского метро и тихо плакала, делая вид, что читаю книгу. Причины для плача в тот момент были. И были серьезные. Я сейчас, оглядываясь назад, вообще думаю, что такой период в жизни был мне послан только с одной целью: я обязана стать сценаристом бразильского сериала серий этак в пятьсот, со временем я поняла, что серий будет несколько тысяч, и выучилась на бухгалтера.

Ко мне подсел улыбчивый молодой человек, и на нем были бежевые джинсы, что само по себе в стране, завоеванной «мальвинами», было странно. И шляпа. Шляпа и ковбойские сапоги из крокодила. Я точно поняла, что это крокодил, потому что от слез меня иногда отвлекали журналы с модой.

Лицо его было загорелое и улыбчивое. И офигенные глаза. «Иностранец» – подумала я и внутренне сжалась, вспоминая

Булгакова. Мы беседовали, а мимо нас проезжали поезда. И он согласился со мной, что мне надо уезжать и как можно быстрее. И поведал, что он из Австралии и там очень мало женщин и особенно таких красивых, как я. Я в этот момент уже видела, как у меня отняли паспорт и продали в бордель. Но он сказал, что наличие у меня ТАКОЙ истории и маленькой дочки мне могут помочь и надо рискнуть собрать документы, встретиться с консулом и уехать подальше, где меня никто никогда не найдет.

– А мама? – спросила я.

– Маме будем писать, а потом заберем.

Утром следующего дня мне по факсу пришел список документов и теплое искреннее письмо, написанное мелким каллиграфическим почерком.

Я загорелась этой идеей.

Но в день встречи с консулом испугалась. И не пошла. А просто переехала в очередную съемную квартиру и сменила работу...

В итоге через много-много лет другой мужчина увез меня из России, хотя на тот момент я в ней жила бы очень даже неплохо.

И хорошо, что все так вышло, тем более что астролог, томно перебирая звездные карты, сказала мне 30 лет назад, что после сорока я буду непременно жить в Европе. А я фыкнула и сказала – это ересь полная. Ни один Сатурн с Юпитером меня не заставят уехать туда, где надо говорить на другом

языке.

А вывод такой, мои друзья: счастье – это совокупность использованных возможностей.

Не хочется думать, как бы оно там было. Важно, что здесь и сейчас я целая и нашедшая сама себя. Но иногда мелькнет мыслишка: а как бы оно было бы...

Как стать королевой

С этой учебой я совсем буквы рожать перестала и даже не беременею ими. Но тут барышня очень симпатичная рассказала, как она на тренинг модный ходила и училась чувствовать себя королевой.

А я от себя лично вот что поведаю: чтобы быть королевой, не надо каждый день у зеркала заклинять свое отражение: Я королева. Надо один раз пройти инаугурацию. И все. Жить с этим до последнего вздоха.

Запарковалась я как-то у подъезда. Время осень. Это в Аликанте машину мыть, только если ей на капот бутерброды положили и их чайки клевали. А в России. Осенью. Надо мыть. Мимо идет друг мужа:

– Настя. Вымой машину. У нее уже цвет с данными в техпаспорте не совпадает)))

– Некогда.

– Да вот сто метров от дома мойка. Иди туда.

– Так ручная. Я потом на автомате.

– Иди, скажешь, что в списке. Я тебя еще месяц назад внес. Будешь довольна.

И подмигнул.

Поехала. Ну, мойка как мойка. Барак железный, набитый рабами. Отдала малышку в нежные таджикские руки. Сижу, журнал читаю.

Настал момент расплаты. Подхожу к девушке на кассе.

– Ээээ, я там в списке, кажется...

– А в каком? У нас их несколько.

– Не знаю.

– Ну, давайте поищем.

В списке «должен» не обнаружилась, соседи (что очень странно) тоже. Девушки на перспективу – так же. Налоговая))) Пожарные))) Санэпидемстанция – так же зеро. Ну, – думаю, – придется как есть заплатить и не унижаться.

– Подождите, подождите, – девушка старается.

Идем дальше: друзья, собутыльники-гаражи и их жены, родственники жены! Нет меня. И тут она достает самый последний список:

ОСОБЫ ПРИБЛИЖЕННЫЕ К ЦАРЮ. Бесплатно.

Я говорю:

– Че я пошла, что ль?

– Да, да ждем вас в любое время. Не говорите Игорю, что я так долго вас искала. – И улыбается.

В машину села – выезжаю, а рабочие руками машут и кланяются слегка. В зеркало заднего вида глянула: на башке ко-

рона.

Все. Так и хожу. Только поправляю иногда. И никаких тренингов.

441 504 000 секунд назад

Кто сказал, что прошлое нельзя ворошить? Через 441 504 000 секунд не больно. А воспоминание наполняет радостью, что судьба подарила тебе эти мгновения.

Когда отношения замешаны на страсти, то всегда есть место для боли. Она будет, как ни крути. И уже видишь потухшие глаза и уклончивые ответы, чувствуешь холод, а не веришь. Такой самообман не бывает полезным, но привносит в жизнь большой и нужный опыт.

Боль не чувствуешь сразу. Она сначала звучит тупым звуком прямо в сердце и растекается горячими подтеками медленно. Сжигает заживо.

Я точно знала, что она сейчас придет. Ниоткуда, просто чувствовала приближение маленького юного торнадо. Эмоции не позволили ей звонить в дверь. Она долбилась всем телом о входную общую коридора, и я молила Бога, чтобы соседи не вызвали милицию. Потом она икала и размазывала по лицу глаза и губы.

– А я... я... я хотела этот свитер. Я пошла за ним и не было размера. Ик... И витрина такая огромная. Окно прямо на улицу. И прямо напротив ВАШЕГО кафе. Ты не понимаешь:

он привел ее туда. За ВАШ столик.

Я пошла, я хотела сказать. А как же... да что же... Мне стало жарко. И больно. И страшно. Я пыталась выбежать из магазина. Рвала дверь не в ту сторону. Охранник помог. Открыл. Спрашивал: что случилось? А я стояла напротив кафе и смотрела, как он ей рот салфеткой вытирает. И дождь пошел. Они вышли из кафе и двинулись к метро. А я стояла и стояла. Потом да что же это я? Побежала за ними, сломала каблук. На Кузнецком брусчатка. Упала. Поняла, что еду к тебе. Как я буду жить? Когда вы оба такая пара? А теперь нет. Что МНЕ теперь со всем этим делать?

Именно в тот момент боль докатилась и до меня. И я сказала единственное, что могла:

– Ты же автор. Пиши песню.

И она ушла в ванную, а через полчаса родилась: дождь по лужам, дождь по крышам, дождь возьми печаль повыше. Раствори в холодных каплях, чтоб хотелось меньше плакать...

Это было невероятно, как о мои ошибки и страсти разбился наивный и нежный мир маленькой девочки. Но она смогла взять боль и превратить в музыку и слова. Так талант отреагировал на предательство, на завершение, на чужой опыт.

Про твои глаза, дочь, рассказ

А в деревне под Белой Церковью перед самым началом

Великой Отечественной встал табор. Цыганский. Большой, с шатрами, кострами и лошадьми.

Мария с девочками бегала смотреть на цыган. Они выглядывали из-за кустов, а цыганская босоногая чумазая ребятня дразнила их.

Местные с недоверием поглядывали на табор. Привязывали животных от греха подальше и в ночное лучше сторожили лошадей.

Бабы постарше под покровом ночи ходили гадать. Старуха лет двести от роду, не меньше, гремела браслетами и монисто... Тасовала колоду больших темных карт и вещала.

Отец Марии, местный кузнец, детей воспитывал в строгости. Утром хмуро сел за стол, отломил кусок хлеба и стал есть, запивая молоком. Из-под густых светлых бровей глянул на Марию. Та решила, что нужно подлить молока в кружку. Покачал головой. Нет. Не то...

– Держись от цыган подальше.

– Бать, да я...

– Последняя буква в алфавите, дома сегодня работаешь.

В поле мать пойдет.

Мария шуганула мелких гулять во двор, сама принялась за хозяйство. Пошла за водой. У колодца никого не было. Набрала два ведра. Услышала тихий хруст. Обернулась.

Он огромный. Копна черных волос, сзади перехвачена в хвост куском бечевки. Глаза две планеты, черные. Смотрят прямо в душу и за душу берут, не отпускают. Только и писк-

нула: «Ой!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.